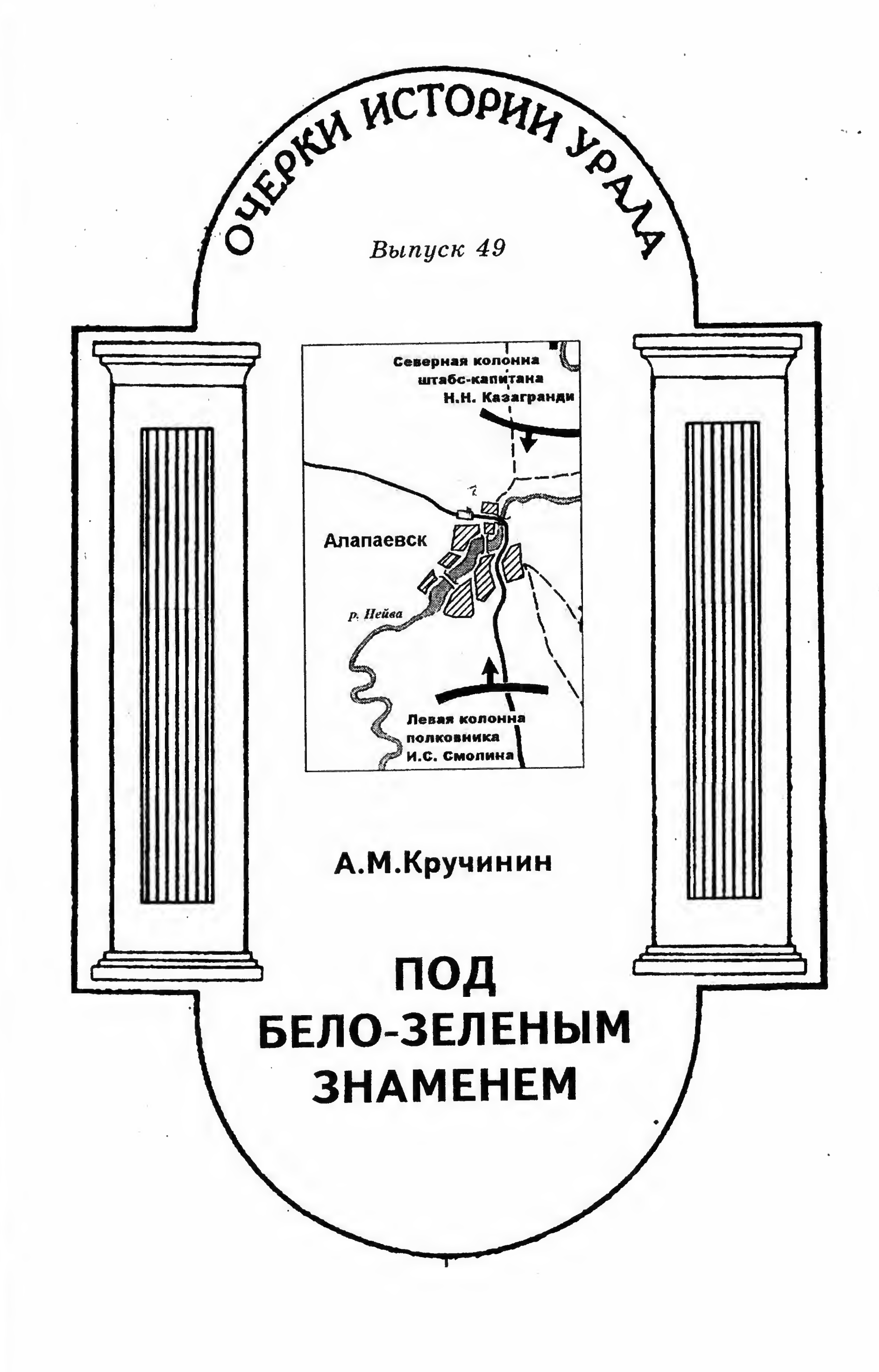
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УРАЛА

Выпуск 49

А. Кручинин

Под бело-зеленым знаменем

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УРАЛА
Выпуск 49
Северная колонна
штабс-капитана
Н.Н. Казагранди
Алапаевск
р. Нейва
Левая колонна
полковника
И.С. Смолина
А.М.Кручинин
ПОД
БЕЛО-ЗЕЛЕНЫМ
ЗНАМЕНЕМ

Серия

«ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УРАЛА»

Выпуск 49

А.М.Кручинин

ПОД БЕЛО-ЗЕЛЕНЫМ ЗНАМЕНЕМ

Очерки истории военных действий в Зауралье летом и осенью 1918 г.

Екатеринбург
2008

ББК 63.3(2)612
К 84

Кручинин А.М.

К 84 Под бело-зеленым знаменем. Очерки истории военных действий в Зауралье летом и осенью 1918 г. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 80 с. (Сер. «Очерки истории Урала» вып. 49)

ISBN 978-5-7851-0670-3

Данный труд является продолжением и развитием статей, опубликованных в 2003-2005 гг. в литературно-художественном, историко-краеведческом журнале «Веси». Излагая события лета и осени 1918 г. в Зауралье, автор опирался на работы Б.Б.Филимонова «На путях к Уралу» и «Борьба в Зауралье», сравнивая их с материалами красных и чехословацких историков. Архивные документы привлекались в очень небольшом количестве, в основном для уточнения цифр, и поэтому автор считает эту работу популярным военно-историческим очерком.
Автор благодарит екатеринбургского исследователя О.Немытова за предоставленную возможность ознакомиться с телеграммами по 16 Ишимскому сибирскому стрелковому полку армии Временного Сибирского правительства и за фотографию чинов полка.

ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-7851-0670-3

Памяти первого историка
Гражданской войны в Зауралье
Бориса Борисовича Филимонова

БЕЛЫЙ ОФИЦЕР И ИСТОРИК

Борис Борисович Филимонов родился в 1901 г. в семье русского офицера и рос в военной среде. В 1911 г. он поступил в Псковский кадетский корпус, где его любимым предметом была русская история. В 1917 г. во время летних каникул Борис ездил к отцу на фронт (отец командовал в это время 23-й пехотной дивизией), поступил добровольцем в армию и принимал участие в боях. После окончания каникул он снова вернулся в кадетский корпус. Вскоре корпус был эвакуирован в Казань, где в октябре 1917 г. в составе отряда кадетов Борис Филимонов принимал участие в борьбе с большевиками. После расформирования корпуса он хотел поступить в Казанский университет, но не смог по какой-то неизвестной нам причине. В августе 1918 г. он оказался в Казанском артдивизионе Народной армии и оборонял Казань от красных. Уже тогда Борис начал вести дневник, отмечая в нем все важнейшие события.

Вместе с остатками Народной армии Борис Филимонов отступил в Уфу, где его свалил тиф. После выздоровления он снова на фронте, но уже под Пермью. В 1919 г. унтер-офицер Б.Б.Филимонов был отправлен в артиллерийское училище в Омск. В сентябре 1919 г. училище было эвакуировано во Владивосток, а 31 января 1920 г. после семимесячного ускоренного курса юнкера были произведены в подпоручики. После выпуска Б.Б.Филимонов участвовал в боях с партиза-

нами. В 1921 г. он был произведен в поручики, в составе войск Временного Приамурского правительства в рядах артбатареи проделал Хабаровский поход зимой 1921—22 гг. и был в боях осени 1922 г. Вместе с частями Земской рати генерала М.К.Дитерихса, уже дважды раненый за Гражданскую войну поручик Б.Б.Филимонов ушел в Китай, где испил до дна чашу горькой эмигрантской жизни.

Б.Б.Филимонов поселился в Шанхае, где первые трудные годы прошли в поисках заработка, необходимости приспособиться к новым порядкам и укладу жизни, новым законам и обычаям. Постепенно он добился некоторой материальной обеспеченности, в 1928 г. женился, в 1935 г. у него появился сын Ярослав. В жизни эмиграции Б.Б.Филимонов большого участия не принимал, он выбрал себе другую дорогу. Все свое свободное время он посвящал изучению и сбору материалов о событиях Гражданской войны на востоке России. Из-за почти полного отсутствия архивных документов о действиях сражающихся сторон Борис Борисович делал главный упор на сбор воспоминаний участников этих грандиозных событий – солдат и офицеров белых армий. Пик военно-исторической деятельности Б.Б.Филимонова пришелся на предвоенные 1930-е годы. Его первой опубликованной работой была «Белоповстанцы. Хабаровский поход 1921—22 гг.» в двух книгах, которые были изданы в 1932—33 гг. Это издание не оставило равнодушной эмигрантскую прессу во всем мире.

В 1934 г. вышла работа «На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 г.», а в 1935 г. Борис Борисович подготовил к печати новый труд «Борьба в Зауралье. Действия Западно-Сибирского отряда. Осень 1918 г.», бывший в некоторой степени продолжением предыдущего. Работа не выходила отдельной книгой, а была издана в «Вестнике общества русских ветеранов Великой войны» в Сан-Франциско в 1940—41 гг. Более Б.Б.Филимонову не удалось выпустить ни одной из запланированных к изданию работ по истории белого движения на востоке России. В 1937 г. началась война между Японией и Китаем. Шанхай, где жил и работал Б.Б.Филимонов, оказался в зоне активных боевых действий, а затем перешел в руки японцев. Затем последовала мировая война. Ее окончание не принесло мира на китайскую землю. Начавшаяся в 1946 г. гражданская война между коммуниста-

ми, опиравшимися на СССР, и гоминьдановцами в конечном счете окончилась поражением последних.

25 мая 1949 г. гоминьдановская группа войск, оборонявшая Шанхай, сдалась коммунистической китайской армии, и остатки русских эмигрантов, живущих в городе, были вынуждены покинуть его, эвакуировавшись на Филиппины. Отсюда позднее часть их уехала в Австралию, часть в США. Б.Б.Филимонову не суждено было перебраться в «страну обетованную» и продолжить свой труд. Любовь Бориса Борисовича к истории и его добросовестность сыграли печальную роль. В это время, после Второй мировой войны, в Шанхае открылось советское консульство и шла усиленная агитация за возвращение эмиграции домой, в Россию. Значительная часть эмигрантов оказалась на перепутье. Любовь к Родине, тоска по ней, усиленная советская пропаганда делали свое дело. Тысячи людей поверили перерождению коммунистической власти в национальную, брали советские паспорта и отправлялись, как они надеялись, в родные места.

Б.Б.Филимонов также был на распутье. Он надеялся организовать работу по исследованию Первой мировой и Гражданской войны и написал об этом письмо в советское консульство. Начались контакты по этому вопросу с представителями консульства, но вскоре Борис Борисович убедился, что перемен в коммунистической политике не предвидится, что «историческая правда» коммунистов противоположна той, о которой он пишет. Б.Б.Филимонов прервал знакомство с работниками советского консульства, но поздно. Нашлись люди, очернившие историка за его знакомство с консульством. На него стали клеветать, ему стали чинить препятствия при выезде из Шанхая. Борис Борисович был раздавлен жизненными ударами и клеветой. 12 июля 1952 г. он покончил с собой на острове Тубабао на Филиппинах. Так оборвалась жизнь замечательного русского человека и историка.

Несмотря на безвременную кончину Б.Б.Филимонова его работы продолжали жить. Его сослуживец по белой батарее, бывший фейерверкер-наводчик В.П.Камкин издал в 1971 г. в США на свои средства работу Бориса Борисовича «Конец Белого Приморья». В августовском номере журнала «Первопоходник» за 1972 г. была опубликована работа Бориса Борисовича «Бойко-Павлов в Хабаровске». В 1997 г. в Рос-

сии в издательстве «Рейтар» вышла работа Б.Б.Филимонова «Белая армия адмирала Колчака». В 2003—05 гг. в 16 и 24-м томах серии «Белое движение в России» (автор-составитель – С.В.Волков) были повторно изданы работы историка «На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 г.», «Белоповстанцы. Хабаровский поход 1921—22 гг.», «Бойко-Павлов в Хабаровске» и «Конец Белого Приморья». Наследие Бориса Борисовича достаточно велико, по неполным данным он написал шестнадцать работ, из которых издано только шесть. Где находятся остальные рукописи, неизвестно, но в свое время часть трудов Б.Б.Филимонов отослал на хранение в Русский архив в Прагу. После Второй мировой войны этот архив попал в руки советских властей, был привезен в СССР и затем распределен на хранение по разным архивам. Большая часть бывшего Пражского архива хранится в Государственном архиве Российской Федерации в Москве, и есть надежда, что еще какие-то труды Б.Б.Филимонова могут все же дойти до читателей[1].

НА ПОДСТУПАХ К ЗАУРАЛЬЮ

Освобождение зауральских городов и селений от большевизма начиналось с востока. В июне 1918 г. войска чехов и белых, объединенные в Северо-Западную группу под командованием полковника Я.Сыровы и полковника Г.А.Вержбицкого, двигались с боями вдоль Сибирской железной дороги в направлении от Омска на Тюмень. Огромную полосу местности, лежащую севернее железной дороги вдоль Иртыша и Тобола, освобождали различные местные добровольческие белые отряды. Первым и наиболее знаменитым из них был отряд штабс-капитана Н.Н.Казагранди.

19 июня 1918 г. в губернский город Тобольск, за несколько дней до этого оставленный советскими властями, на пароходах по Иртышу прибыл отряд штабс-капитана Н.Н.Казагранди и объявил советскую власть низложенной, а земское и городское самоуправление восстановленными. В Тобольске была создана военная комендатура и начато формирование добровольческого отряда[2]. Оставив в Тобольске часть ору-

жия для местного формируемого отряда, штабс-капитан Н.Н.Казагранди двинулся в сторону Тюмени. В районе села Бачелино при впадении реки Тавды в Тобол добровольцы захватили пароход «Тоболяк» и катер «Юнга» с двадцатью девятью красноармейцами из Тюменского разведывательного отряда. Во время операции шесть красноармейцев было убито, в том числе командир отряда Макаров. Остальных обезоружили и отправили в Тобольск[3].

Узнав о занятии села Бачелино, командование красного Тавдинского отряда (Семериков и Цикарев) запросило помощи у Екатеринбурга, указывая, что при занятии станции Тавда белым откроется железнодорожный путь к столице Урала. Командование Северо-Урало-Сибирского фронта немедленно направило резервные части в Тавду. В ночь с 28 на 29 июня по Северо-Восточной Уральской железной дороге через Егоршино, Ирбит и Туринск двинулся отряд под командованием Шахова (одна рота венгров-интернационалистов Ф.Баллока в 175 штыков при двух пулеметах и 7-я рота 2-го Уральского полка Виноградова в 197 штыков при одном пулемете). Вслед за ними в Тавду были направлены дополнительные силы[4]. 25 июня из Екатеринбурга на восток был срочно отправлен отряд П.Д.Хохрякова в 300 штыков. 27 июня в Тюмени отряд П.Д.Хохрякова был усилен пехотой и артиллерией и, разместившись на одиннадцати судах, двинулся по реке Туре в сторону Тобольска. У села Иевлево на реке Тобол отряд П.Д.Хохрякова столкнулся с добровольцами штабс-капитана Н.Н.Казагранди. Белые наступали вдоль тракта и на пароходах по реке. Отбросив красноармейцев к устью реки Туры и наступая дальше, добровольцы 29 июня после небольшого боя взяли село Покровское[5].

Пока шли столкновения на Тоболе и Туре, красное командование усиливало войска в Тавде, и на 3 июля там имелось 563 штыка при пяти пулеметах[6]. Несмотря на явное превосходство над силами белых, находившимися в Бачелино (согласно данных тайной разведки, там было тридцать человек при одном пулемете, и только 7 июля начал прибывать отряд казаков в 300 человек)[7], красные наступать не торопились, а вели учет обмундирования и вооружения. Командование Тавдинским отрядом просило прислать карт, медикаментов с санитарным отрядом и артиллерийских орудий.

Наступать на Бачелино намеревались с 9 июля, только после прибытия на подкрепление отрядов из Верхотурского уезда. 9 июля разведывательные красные отряды заняли деревни Миасское и Жиряково на реке Тавде, до Бачелино было еще сто двадцать верст.

В этот же день 9 июля из Тобольска на усиление отряда штабс-капитана Н.Н.Казагранди убыл Тобольский добровольческий отряд под командованием полковника К.С.Киселева, который и принял общее командование над всеми силами, действовавшими по Тоболу и Туре. В течение следующей недели вдоль этих рек состоялся ряд боевых стычек при проведении разведывательных поисков. По причине отсутствия связи с главными силами, действующими вдоль железной дороги на подступах к Тюмени, Тобольский добровольческий отряд продвигался довольно медленно. Отряд П.Д.Хохрякова после боя за село Покровское отступил в район деревни Татарские Юрты в 25 верстах, не доходя Тюмени, где находился до получения известий об оставлении города. Полковник К.С.Киселев расположился у деревни Криводаново, лежащей в сорока верстах от Тюмени. Таким образом, белые отряды полковника К.С.Киселева поставили под свой контроль устья рек Тавда и Тура при их впадении в Тобол и расположились восточнее Тюмени. Положение оставалось примерно таким до взятия чехами и белыми красной Тюмени.

ВЗЯТИЕ ТАВДЫ СИБИРСКИМИ СТРЕЛКАМИ

Летом 1918 г. на месте современного города Тавда находились пять довольно далеко отстоящих друг от друга населенных пунктов, не составляющих единого целого. Самым крупным из них был поселок лесозавода, где проживало около пятисот человек. Поселок при железнодорожной станции насчитывал триста человек, а всего во всех пяти поселениях было тысяча пятьсот человек. Железнодорожная станция Тавда была конечным пунктом Северо-Восточной дороги, связывающей промышленный Урал с лесным Зауральем. Через Тавду европейские товары шли в Сибирь по рекам Тобол, Иртыш и Обь.

В середине июля 1918 г. красные войска Тюменского направления вели оборонительные бои на фронте, проходившем по нижнему течению рек Пышма, Тура и Тавда в ста – ста двадцати верстах от станции Тавда. Их противники чехи и русские белые добровольцы хотя и уступали красным по численности, но были активны и предприимчивы.

20 июля после падения красной Тюмени ситуация в тавдинской округе начала кардинально изменяться. Основные большевистские силы из Тюмени стали отступать на Камышлов и Богданович. Не успевшему уйти вместе с ними отряду П.Д.Хохрякова пришлось отступать на пароходах вверх по реке Туре. Красные войска, оборонявшиеся вдоль Тавды, также отступали вверх по реке.

Русские белые добровольцы отправились в преследование. 21 июля из села Криводанова, лежащего в сорока верстах на восток от Тюмени, выступили два отряда. Первый под командованием штабс-капитана Н.Н.Казагранди двинулся на подводах по туринскому тракту с задачей атаковать и взять уездный город Туринск. Второй под командованием полковника К.С.Киселева на пароходах направился по рекам Туре, Тоболу и Тавде с задачей захватить Каратунские пристани и железнодорожную станцию Тавду. После занятия станции Тавда полковник К.С.Киселев должен был проследовать в Туринск, где, соединившись со штабс-капитаном Н.Н. Казагранди, направиться в город Ирбит[8] .

Отряд полковника К.С.Киселева состоял из бойцов 6-го Степного Сибирского стрелкового полка. Основой полка был Тобольский добровольческий офицерский отряд, сформированный в период с 20 июня по 3 июля 1918 г. в городе Тобольске. Позднее к ним присоединилась офицерская рота из города Тара. 3 июля 1918 г. добровольческий офицерский отряд получил наименование 6-й Степной Сибирский стрелковый полк и на 21 июля состоял из трех стрелковых рот, команды конных разведчиков и хозяйственной части. Полк имел всего двести бойцов. 1 и 2-я стрелковые роты состояли из офицеров-тоболяков, ими командовали штабс-капитан Атавин и поручик Ильин. 3-ю стрелковую роту, которая была многочисленнее, чем 1 и 2-я вместе взятые, привел из Тары поручик Митрофанов. Конными разведчиками командовал поручик Волков, а начальником хозяйственной части и по-

мощником командира полка был подполковник А.В.Бордзиловский. Задержавшись по делам в Тюмени, полковник К.С.Киселев нагнал свой отряд в деревне Андрюшино на реке Тавде и вступил в командование, а подполковник А.В.Бордзиловский возвратился к исполнению своих прямых обязанностей[9].

Командир отряда, сорокадвухлетний полковник Константин Степанович Киселев, происходил из тобольской купеческой семьи. Он окончил Тобольскую духовную семинарию и Казанское пехотное юнкерское училище. Участник русско-японской войны 1904—05 гг. в качестве полкового адъютанта 9-го пехотного Тобольского Сибирского полка, он был награжден орденами Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом, Св. Анны 3 степени с мечами и бантом и Св. Станислава 2 степени с мечами, а также получил чин штабс-капитана за боевые отличия. После войны он продолжил службу в армии. В 1913 г. капитан К.С.Киселев командовал ротой в 42-м Сибирском стрелковом полку. С фронта Мировой войны К.С.Киселев вернулся полковником, а когда в Тобольск пришел отряд войск Временного Сибирского правительства, он стал первым комендантом города. После его ухода на фронт борьбы с большевиками в Тобольске осталась его жена Ольга Ивановна с двумя дочерьми, Галиной и Валерией[10]. Б.Б.Филимонов характеризует полковника следующим образом: *«Это был храбрый, боевой офицер. В Великую войну он был тяжело контужен. В результате – с течением времени он постепенно становился все более и более ненормальным. Кроме того он злоупотреблял спиртными напитками[11]»*.

Помощник командира, сорокадвухлетний подполковник Антон Викентиевич Бордзиловский, был из дворян Могилевской губернии, но родился в г. Камышлове и окончил Омский сибирский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. Он был в 6-м Степном Сибирском стрелковом полку с начала его формирования и, будучи очень деятельным и грамотным офицером, пользовался большим уважением[12].

Получив сведения об оставлении Тюмени и о движении белых войск на Тавду и Туринск, красные войска тавдинского района не стали искушать судьбу, тем более что часть из них перебрасывалась на лысьвенское направление. Интерна-

ционалисты убыли в Туринск, где соединились с отрядом П.Д.Хохрякова.

В четверг 25 июля 1918 г., подойдя к пристаням возле бывшей суконной фабрики, западнее устья реки Каратунки, сибирские стрелки начали высадку. Каратунские пристани были заняты почти без боя. Добровольцы обменялись всего несколькими выстрелами с тавдинскими красногвардейцами. Последние поспешили отойти. На Каратунских пристанях оказалось несколько барж, груженных большим количеством меди, каучука, чая, машин и прочих товаров, принадлежащих уже не существующему Военно-промышленному комитету. Эти баржи еще при Временном правительстве А.Ф.Керенского были доставлены на Каратунские пристани с реки Оби, должны были разгрузиться, а товары с них – отправиться в Москву и иные центры, но грянул октябрьский переворот, и грузы на пристанях оказались забытыми[13].

После выгрузки в погоню за красными пошла конная разведка поручика Волкова, которая и захватила станцию Тавда. В этот же день тобольский губернский комиссар Временного Сибирского правительства и тобольский городской голова получили телеграмму: «*Сегодня в 4 часа дня заняты село Каратунка и железнодорожная станция Тавда. Противник разбит и бежал в Туринск. Преследование нами продолжается. Офицеры здоровы, шлют привет Тобольску.*

Полковник Киселев[14]».

На следующий день 6-й Степной Сибирский стрелковый полк отправился в Туринск, куда с юга по тракту подходил отряд штабс-капитана Н.Н.Казагранди.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДА ИРБИТА ОТ БОЛЬШЕВИКОВ

После оставления Тюмени красные части уже не помышляли остановить быстро наступавших чехов и белых, а торопились отвести оставшиеся силы и вывезти материальные запасы и продовольствие. Такая нервозность красного командования объяснялась тем, что 25 июля 1918 г. войска

полковника С.Н.Войцеховского заняли Екатеринбург, а к узловой станции Богданович с юга выходил смешанный чешско-русский отряд подполковника Д.Н.Панкова. Опасаясь окружения, большевики торопились уйти на север к Егоршино и Алапаевску.

После взятия станции Тавда 6-й Степной Сибирский полк двинулся вдоль железной дороги к уездному Туринску – небольшому захолустному городку Тобольской губернии, насчитывавшему в то время три тысячи жителей. Но первым 27 июля к Туринску подошел отряд штабс-капитана Н.Н.Казагранди, имевший около двухсот бойцов. После ухода из Тавды отряд Семерикова получил приказание штаба армии отправиться в Лысьву для усиления Пермского направления. Оставшиеся красные попытались дать отпор, но перед неукротимой энергией штабс-капитана Н.Н.Казагранди и решимостью его бойцов спасовали и обратились в бегство. Тобольская газета «Сибирский листок» сообщала своим читателям, что 27 июля утром Туринск был взят. Телеграф в городе оказался разбитым, паровые машины на оставленных большевиками пароходах приведены в негодность. Единственным исправным трофеем оказался паровоз[15]. 6-й Степной полк подошел к Туринску уже после окончания боя. Здесь, как и было задумано, белые объединились и двинулись на Ирбит[16].

Знаменитый на всю Россию ярмарочный центр выглядел в конце июля 1918 г. унылым и заброшенным, как будто с прекращением ярмарок из города отлетела его душа. Пустовали не только ярмарочные лавки и павильоны, но казался пустым и весь восьмитысячный город. Горожане прятались и трепетали. Их воображению рисовались ужасы, которые могли последовать при вынужденном бегстве красноармейских банд из Ирбита. Уже два месяца, с 28 мая, Ирбит был на военном положении. С 6 июля в городе властвовал военно-революционный комитет во главе с бывшим сапожником, а ныне председателем уездного комитета РКП(б) Н.М.Логиновым. Уездная чрезвычайная комиссия во главе с Ершовым и Бобылевым держала в трепете весь город. Вооруженной опорой комитета был коммунистический отряд, состоявший из бывших военнопленных-мадьяр и люмпенского элемента. Состоятельные граждане города были обложены чрез-

вычайным налогом, и из них были взяты заложники. 26 июля незадолго перед подходом белых бойцов к городу все заложники в числе двадцати двух человек были расстреляны[17].

Хотя белые и уступали своему противнику в численности, их решительные действия и постоянные успехи создали у большевиков преувеличенное представление об их возможностях. И когда полковник К.С.Киселев и штабс-капитан Н.Н.Казагранди приблизились к Ирбиту, эта весть так переполошила красных, что они приступили к немедленной и спешной эвакуации. Б.Б.Филимонов сообщал, что *...наблюдая поспешность сборов красных, их очевидную неуверенность в себе, один из ирбитян поскакал к белым, дабы осветить им обстановку и звать скорее идти в город. Этому жителю, фамилии коего восстановить не удалось, повезло: он быстро и благополучно добрался до белых военачальников. Его доклад был выслушан и вслед затем, отряды были подняты и белые выступили на Ирбит...*[18]

Когда же это произошло?

Б.Б. Филимонов, основываясь на воспоминаниях участников белой борьбы, указывает, что красные оставили Ирбит около полудня 28 июля 1918 г. *Примерно, в 11 часов 28 июля большевистские части покинули город и станцию Ирбит, двинувшись на запад в эшелонах по железной дороге, а в 2 часа дня за ними последовал и последний красный бронепоезд (самодельный, состоявший из нескольких платформ с мешками песка на них). Спешка у красных была такова, что председатель Совдепа* (видимо, председатель исполкома, бывший учитель городского училища В.К.Бирюков. – А.К.) *оставил в своем кабинете секретные бумаги большой ценности. К чести этого председателя должно отметить, что вспомнив о бумагах, он в единственном числе вернулся в оставленный красными город, проехал в помещение Совдепа, взял, что нужно было и... благополучно выбрался назад»*[19].

Авторы книги об Ирбите Я.Л.Герштейн и А.И.Смирных считают, что 29 июля по распоряжению командующего фронтом старого большевика Р.И. Берзина наши оставили город. Неясно, насколько точна эта дата, но вот с «распоряжением старого большевика» что-то явно не так! Дело в том, что еще 19 июля 1918 г. Р.И.Берзин был отрешен наркомом

Л.Д.Троцким от командования фронтом за самовольное оставление войск фронта в боевой обстановке. До конца июля у 3-й армии сменилось несколько командующих.

По заметке Н.Р.Удянского «Освобождение Ирбита», опубликованной в газете «Зауральский Край», вступление белых войск в город и их торжественная встреча, несмотря на дождь и грозу, состоялись в три часа дня 30 июля. Эту же дату 30 июля как день освобождения Ирбита указывают газеты «Сибирский листок» и «Зауральский край»[20]. Таким образом, по свидетельствам современников, белые вступили в Ирбит 30 июля 1918 г.

Вновь обратимся к Б.Б.Филимонову, оставившему нам наиболее подробные сведения о занятии города белыми войсками. *«Около 14 часов того же дня по улицам Ирбита проскакало несколько всадников с белыми флагами. Они оповещали граждан Ирбита о вступлении в город Сибирских Правительственных войск... Город ожил. На улицах появились сияющие лица. И, когда, спустя некоторое время, в город стали втягиваться немногочисленные подводы с сидящими на них бойцами с бело-зелеными ленточками, они были встречены колокольным звоном и криками «ура»...*

Белых была горсть. Они заняли важнейшие точки в городе. Никаких больших частей видно не было. Больше никто не появлялся. «Маловато что-то» – думалось ирбитянам, полагавшим, что и в происходящей борьбе, подобно войне Русско-Германской, на фронте с обеих сторон принимают участие многие и многие десятки тысяч, если не сотни тысяч солдат. На вопросы о том: «есть ли еще войска?» и «много ли их?» бойцы с бело-зелеными ленточками неизменно отвечали, что они только авангард, а что главные силы идут за ними...

Прошло часа три с момента вступления белых в Ирбит и вот, на окраине города запылила новая колонна. Она была также невелика, не больше первой... Опять радостные крики, звон колоколов... Штаб 6-го Степного полка прибыл в город...»[21]

После занятия белыми Ирбита офицеры – местные жители организовали комендатуру, и многие из них сразу изъявили желание вступить в ряды сибирских войск. Пополнение было необходимо, ведь те четыреста бойцов, которые при-

шли в город, это и были все войсковые части белых в данном районе. На следующий день или через день отряд штабс-капитана Н.Н.Казагранди выступил по Верхотурскому тракту на север. К его отряду присоединилось человек тридцать-сорок ирбитян.

Полковник К.С.Киселев со своим 6-м Степным Сибирским стрелковым полком остался в городе, выдвинув на запад авангард под командованием капитана Колесникова. Авангард занял деревню Зайково и повел разведку в сторону Ирбитского завода...[22]

СРАЖЕНИЕ ЗА ИРБИТСКИЙ ЗАВОД

Первые боевые столкновения

В авангардном отряде капитана Колесникова в деревнях Зайково и Худяково были 1-й батальон и команда конных разведчиков 6-го Степного Сибирского стрелкового полка. В батальоне было две роты, первая из восьмидесяти штыков, вторая – из шестидесяти. На три четверти их состав был офицерским. Вооружение было разнообразным: часть бойцов имела винтовки Бердана, другая часть – трехлинейки. В конной разведкоманде поручика Волкова было тридцать-сорок всадников.

В городе Ирбите ко 2 августа усилиями местного офицерства создалась самоохрана в сто-сто двадцать человек. На призыв пополнить добровольцами отряд штабс-капитана Н.Н.Казагранди и ряды 6-го Степного полка откликнулось большинство вступивших в самоохрану, но их число пришлось сильно ограничить. Ходили всевозможные слухи о большевиках, прячущихся в городе с оружием и выжидающих благоприятного момента, чтобы после ухода белых войск захватить Ирбит и на этот раз окончательно перерезать всю буржуазию и всех ей сочувствующих. Немалые опасения вызывал расположенный на окраине города лагерь австро-венгерских военнопленных, которых было около четырех тысяч человек. Среди военнопленных усиливалась агитация против новой власти.

Полковник К.С.Киселев вызвал из Туринска подполковника А.В.Бордзиловского и по прибытии последнего назначил его начальником гарнизона Ирбита с приказанием формировать 2-й батальон 6-го Степного полка. Сам же полковник К.С.Киселев с отрядом пополнения из офицеров-ирбитян 2 августа выступил на фронт в деревню Зайково.

Б.Б.Филимонов приводит рассказ одного из офицеров-ирбитян о выступлении на фронт: *«Был ясный день. На городской площади выстроился наш отряд пополнения – человек 30-35. Немного. Нас окружал «народ» – точнее, родственники и зеваки. Вот прибыло начальство. Сказана речь и, вздвоив ряды, мы тронулись по направлению станции. Когда мы шли по улицам города, то наличие «народа», окружавшего отряд и следовавшего за ним, несколько скрадывало нашу малочисленность. Но вот город кончился, а нам еще предстояло шагать версты полторы до станции. Горожане, сопровождавшие отряд, стали мало-помалу отставать, и, когда мы, наконец, появились в виду станции, то наша колонна представляла собою далеко не могучую силу. Тут меня, да и других чинов нашего отряда, внутренне сильно резануло: «не много пополнения дает наш Ирбит...»*[23]

Отряд прибыл на вокзал. Перрон станции поражал своей пустынностью. Кроме караула и двух-трех железнодорожников, занятых служебными хлопотами, не было никого. Отряд получил приказание не расходиться, а держаться всем вместе и на перрон по возможности не выходить. И отъезжающие, и провожающие собрались в зале 1-го класса. Последних было очень мало, так как настроение в городе было настолько тревожным, что даже не у всех добровольцев родственники осмелились показаться на вокзале. Тревожность положения на вокзале почувствовалась всеми еще сильнее. Она усиливалась сознанием беспомощности и бесполезности в случае неожиданной тревоги или нападения, так как обещанного оружия отряд все еще не получил, а собственные револьверы имели при себе далеко не многие, да и то с весьма ограниченным количеством патронов.

Наконец, был подан эшелон – шесть или семь товарных вагонов. Пополнению предоставили три вагона, в одном из них было обещанное оружие, но только одиннадцать винтовок, недостающие начальство обещало выдать в Зайкове.

Патронов было тоже немного, а обойм и того меньше: штуки по две-три на винтовку. Патроны набирали прямо в карманы. Три другие вагона занял штаб 6-го полка, отбывающий на фронт вместе с отрядом. При штабе имелся один пулемет Льюиса, что несколько ободрило офицеров. В каждый вагон село по восемь-девять человек, и караул на паровоз.

«Толпимся у дверей. Эшелон трогает. На перроне жиденькая группа провожающих нас родственников, человек пятнадцать, преимущественно женщин. Из вагонов жидкое, но бодрое «ура», а на перроне заплаканные лица, благословляющие и машущие платочками руки. Никаких оваций, никаких молебнов, никаких официальных лиц с пышными и лживыми речами о жертвенности и грядущих победах. Где же та тысячная толпа, что была на площади в первые часы прихода белых? Где колокольный звон и радостные возгласы? Где клики и взаимные объятия? Где все это? Что удерживает людей по их домам? Осторожность? Трусость? Или просто обывательская подлость?

Так грустно и далеко не торжественно отбывает первый эшелон добровольцев-ирбитян на фронт»[24].

Когда же пополнение прибыло в деревню Зайково, ирбитяне окончательно убедились, что кроме отряда полковника К.С.Киселева (примерно 280 бойцов) и гарнизона Ирбита во всем районе никаких иных белых сил больше нет, что жизнь их родственников, оставшихся в Ирбите, зависит исключительно от них, бойцов 6-го Степного Сибирского полка, занимавших две соседние деревни Зайково и Худяково. В последней расположился штаб полка.

Против них, в деревнях Якшино и Шмаковка, находились красные. С юга под натиском чехов к Ирбитскому заводу (ныне поселок Красногвардейское) спешно отступали красные войска Камышловского и Тюменского направлений. Стоявшая в деревне Шмаковке красногвардейская застава из семнадцати ирбитско-заводских рабочих под командованием А.И.Смирнова еще 31 июля встретила красный отряд Н.Ф.Черных. По воспоминаниям участников, А.И.Смирнов спросил:

«3333– *Далеко, товарищ Черных, собираешься отступать?*

– До Перми, – ответил тот.

– А мы вас отсюда не отпустим, от своего завода.

– Много ли вас?

– Да сейчас человек семьдесят, а можем поставить и семьсот.

– Семьсот? Тогда на Тобол пойду. С кем говорить об этом? Есть тут телефон? – И командир отряда ушел в волость, где был установлен телефонный аппарат»[25].

С отрядом Н.Ф.Черных пришли политкомиссар тюменского направления Г.А.Усиевич, партработники З.И.Лобков, Шебалдин, Скляр и другие. Следом появились батальон В.А. Кангелари, отряд интернационалистов-мадьяр, артиллерийская батарея и другие отряды, оставившие Ирбит, партизанские части Камышловского уезда под командованием Л.Ф.Некрасова с собственным обозом, хлебом и скотом. С конной охраной человек в двадцать и штабом прибыл камышловский военком и военный руководитель Тюменско-Омского направления М.В.Васильев.

Чешские отряды из состава 6-го Ганацкого полка под командованием штабс-капитанов Л.Крейчи и Ульриха 31 июля заняли деревни Мостовая и Стриганка. Отогнав красных, чехи посчитали, что большевистские силы деморализованы и дальнейшие бои может успешно продолжать молодая русская белая Сибирская армия. Командующий 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизией генерал-майор Г.А.Вержбицкий назначил для смены чехов 1-й Степной Сибирский стрелковый полк, который в спешном порядке был переброшен из Камышлова на автомобилях в деревню Стриганку.

1-й Степной полк капитана Жилинского состоял из четырех рот по 60 бойцов в каждой, учебной команды в 60-70 бойцов, пулеметной команды и команды конной разведки в 80-90 всадников, всего 450-480 бойцов. 3 августа полк был в деревне Стриганке, где остановился на ночлег. Утром белые получили известие, что по лесной дороге от станции Боярка (ныне станция Талый Ключ) на деревню Горки движется колонна красных в 150 штыков при тридцати всадниках. К деревне Горки были срочно двинуты две стрелковые роты капитанов Кальника и Андреева. Пройдя деревню Горки, белые спрятались в кустах вдоль дороги и, когда красные растянулись вдоль позиции сибирских стрелков, последние открыли огонь, а затем атаковали. Красные после непродолжительного сопротивления стали отходить, при-

крываясь лесом. По свидетельствам с красной стороны, к деревне Стриганке с разведывательной целью была выслана пехотная рота с конными разведчиками. Вместе с ротой шли комиссар Г.А.Усиевич и агитатор З.И.Лобков. Во время боя Г.А.Усиевич оказался на левом фланге роты со стороны деревни Горки. Открыв огонь из маузера с колена, он был убит ответным огнем. Рота отступила, потеряв четырнадцать человек[26].

Откинув роту красных, 1-й Степной полк не стал ее преследовать, а продолжал свое движение на север. В ночь на 5 августа полк занял село Килачевское в пятнадцати верстах от Зайково и вошел в связь с 6-м Степным полком. Капитан Жилинский вошел в подчинение полковнику К.С.Киселеву. Днем 5 августа 1-й Степной полк отдыхал в селе Килачевском, а в ночь на 6 августа он уже двигался по проселочной дороге для совместной с 6-м полком атаки позиций красных у деревень Якшино и Шмаковка.

Обратимся к описанию атаки 6-го полка, данному одним из его чинов: «*Днем, после нескольких орудийных выстрелов, что должно было изображать артиллерийскую подготовку, наш полк перешел в наступление на деревню Яшино* (правильно Якшино. – А.К.) *Наступали двумя группами (две роты). Наши цепи продвигались по густой и высокой ржи. Бойцы двигались на расстоянии друг от друга 10-15 шагов, поддерживая связь голосом. Второй цепи, не говоря уже об резерве, не существовало. Каждый боец был на учете. В случае ранения рекомендовалось немедленно голосом дать знать об этом, дабы соседи могли вовремя подобрать.*

Солнце уже клонилось к закату, когда наша цепь приблизилась к деревне Яшино. Нам ясно стала видна густая цепь противника. Нашу же малочисленность, к нашему счастью, пока что скрывала густота ржи.

Белые бойцы занимают исходное положение для атаки позиции противника. Нам, ирбитянам, не участвовавшим в боях со времени крушения русско-германского фронта, при сравнении наших сил с силами красных, становится немного не по себе, но коренные чины 6-го полка чувствуют себя вполне уверенно.

Вот слова команды. Крик «ура». Поднявшись во весь рост, наши бойцы выходят из ржи и бросаются в атаку...

Прошло мгновение. Не приняв удара, красноармейцы спешат покинуть свои окопы. В беспорядке они бегут... Только спины и пятки «защитников революции» мелькают перед нашими глазами.

На плечах противника ворвались белые в деревню Яшино. Марафонский бег не прекращался. Красные удирали, что было мочи. Белые стремились их нагнать...

Крестьяне деревни Яшино встретили белых восторженно. Следует сказать, что было жарко основательно. Движение в течение целого дня по полям под солнцепеком, а затем преследование противника, порядочно истомили белых. Мучила жажда, а тут, на нашу радость, бабы и мужики, встречая нас, выносили из домов, кто ковши с водой или квасом, кто кринки молока и хлеб, уговаривая нас: «Подкрепись, родимый, да и жарь, догоняй окаянных»...

Преследование разбитого противника продолжалось. Между прочим, красным крестьяне не давали ни воды, ни, подавно, молока.

Кой кто из красных поотставал. Таковых белые подкалывали или забирали в плен.

Вечерело. Захватив деревни Яшино и Шмаковку, наш и 1-й Степной полки, после короткого преследования противника, остановились на ночлег в обоих вышеуказанных селениях...

Успех белых был полный. Красные, будучи сбитыми со своей укрепленной позиции, отошли к Ирбитскому заводу и к станции Боярской[27].

Ирбитский завод против Шмаковской волости

После занятия деревень Якшино и Шмаковка части полковника К.С.Киселева далее на запад не продвигались. Впереди в пяти верстах находился Ирбитский завод – оплот большевиков во всей прилегающей округе. После выдвижения белых в Шмаковку дорога Ирбит-Камышлов была более или менее надежно прикрыта. Подобное положение белым командованием было признано вполне удовлетворительным. От немедленных попыток захвата Ирбитского завода белые воздержались, как по причине своей небольшой численности,

так и вследствие неясности положения своего левого соседа – колонны подполковника Д.Н.Панкова (с 9 августа полковника И.С.Смолина).

На 7 августа позиция белых была следующей. Стрелковые роты 6-го Степного полка занимали участок, прилегающий к железной дороге в пяти верстах на восток от железнодорожной станции Боярка. Местность к северу от железной дороги была покрыта густым болотистым лесом, и как белые, так и красные ей почти не пользовались для своих передвижений. Левый фланг 6-го полка прикрывался заставой при одном пулемете. 1-й Степной полк занимал Шмаковку, окопы полка были вырыты по самой околице. Левым флангом окопы упирались в реку Ирбит, правый фланг обрывался в чистом поле. Между правофланговым окопом 1-го полка и заставой 6-го полка был промежуток версты в полторы. Артиллерия – 1-я Отдельная Степная батарея из двух трехдюймовых орудий – располагалась в Шмаковке. Наблюдательный пункт батареи находился на церковной колокольне. Штаб полковника К.С.Киселева, перевязочный пункт и обозы размещались в Якшино, их прикрывал взвод 6-го полка и взвод сибирских казаков.

Белые полки оставались малочисленными. Это серьезно сдерживало их боевые возможности. Временное Сибирское правительство начало мобилизацию возрастов 1898 и 1899 гг., не зараженных большевистской пропагандой, но молодых солдат нужно было учить. Призывать более старшие возрасты – бывших фронтовиков – опасались, памятуя о развале армии и избиении офицеров в 1917 г. Белое командование не вело широкой разъяснительной работы и не способствовало развитию широкого добровольческого движения среди зауральских крестьян, хотя последние испытывали чувства благодарности *к белым борцам, освободившим их от гнета самодержавного большевизма и коммунизма*, – именно так выразился сельский сход Крутихинской волости Ирбитского уезда 3 августа 1918 г. Полковник К.С.Киселев и его помощники не организовывали самомобилизацию крестьян и не призывали их к этому, хотя для этого были все возможности. Тем самым степные полки лишились тех огромных преимуществ, которые могли бы им дать крестьянские пополнения[28].

Красные занимали Ирбитский завод с лежащей около него деревней и станцией Боярка. Они усиленно укрепляли свою позицию. По сведениям, имевшимся у белых, настроение красноармейцев было бодрое, а у жителей завода – воинственное. Хотя обещанных семисот бойцов Ирбитский завод не выставил, но все же многие добровольцы, в том числе и молодежь до восемнадцати лет, записались в красную армию. Был отдан приказ о формировании 1-го Камышловского стрелкового полка. Полку были приданы кавалерийский дивизион, артбатарея и блиндированный поезд. Командиром полка был назначен Н.Ф.Черных, помощником командира – В.А.Кангелари, военным комиссаром – Н.А.Удников. На 14 августа в полку было девять стрелковых рот, пулеметная, связи, саперная и конно-разведывательная команды, нестроевая рота и обоз. Полк насчитывал 1646 человек, в том числе 1285 штыков, 157 сабель, 34 пулемета и четыре орудия[29].

За деревней Боярка и по речке Дунайке рылись окопы: завод и полк готовились к позиционной войне. Политработники полка и партийное руководство завода умело распространяли слухи о зверствах белогвардейцев и кулаков Шмаковской волости. Например рассказывали, что полковник К.С.Киселев, пьяница и кокаинист, лично избивает пленных красноармейцев поленом по голове, пока не брызнет мозг. Выше мы уже приводили свидетельство о том, что полковник К.С.Киселев после тяжелой контузии пил и зачастую был неадекватен в своем поведении, но молва приукрашивала все в самом мрачном виде. Еще более жуткие истории рассказывались о деревенских кулаках, отрезавших у пленных уши, выкалывавших глаза и тому подобное. Отношение обоих сторон к пленным было весьма жестоким, но все же белые не знали этих индейских штук. Обычной мерой был расстрел или убийство холодным оружием. Подготовка к военным действиям вблизи завода никого из населения и даже женщин особенно не тревожила. Конечно, образ войны представлялся им иным, чем он оказался на самом деле, но его не страшились[30].

Руководству красных удалось установить крепкую связь полка с тылом. Многие женщины, подростки и старики завода в особо трудных обстоятельствах включались в борьбу. Население выполняло множество мелких работ: готовило еду,

стирало белье, заготовляло табак. Камышловский полк, вначале не получавший централизованного снабжения, смог продовольствоваться в районе завода свыше месяца. Благодаря этому полк мог выставить наибольшее количество бойцов в строй, на линию фронта. Время боев – август-сентябрь – совпало с горячей порой уборки хлебов. Поля ирбитско-заводских рабочих были не велики, но зато близко к фронту подходили обширные поля шмаковских крестьян. Эти поля рассматривались как военное имущество противника, и заводские женщины организовали уборку этих полей. Работать было опасно, и часто даже жать приходилось лежа. Вечером, когда темнело, нажатый хлеб увозили на завод и там молотили. Хлеб, взятый из-под обстрела противника, никогда не делился по работникам, а поступал в общее довольствие полка как военная добыча[31].

Тем временем на фронте шли позиционные бои. Конечно, они не напоминали бои германского фронта с многотысячными массами и мощной артиллерией. Воевали на двух направлениях: основном – в полосе между Северо-восточной уральской железной дорогой и рекой Ирбит и вспомогательном – вдоль речки Бобровки по линии деревень Лебедкино-Антоново-Осинцево. Между направлениями находилась полоса лесов и болот.

Боевые действия под Ирбитским заводом протекали в форме артиллерийских обстрелов и разведывательных поисков. За деревнями, расположенными вдоль речки Бобровки, вначале как белые, так и красные вели только наблюдение. Конная разведка белых в десять-пятнадцать всадников занимала деревню Антоновку. Красные сначала навещали эти деревни только для реквизиции продуктов и фуража. Местное крестьянство изгнало команды красных, но, конечно, не смогло противодействовать сильному карательному отряду, который и вытеснил белых из Антоновки.

К этому времени в Ирбите был сформирован 2-й батальон 6-го Степного полка. Полковник К.С.Киселев приказал подполковнику А.В.Бордзиловскому вновь занять деревню Антоновку. В распоряжении последнего имелось две стрелковых роты, конная команда поручика Сенкевича, гаубичная батарея капитана Аракина в составе одного орудия, сотня сибирских казаков подъесаула А.Торопова и команда кон-

ных разведчиков 1-го Степного полка сотника Вальшевского. Деревню Антоновку белые заняли без труда, затем была захвачена деревня Лебедкино. Через несколько дней, получив подкрепление, красные отбили Лебедкино, однако белые опять выбили их.

Во время этого топтания вокруг Лебедкино отряд белых в восемнадцать коней проскочил из Антоновки в тыл к красным и, выйдя на линию железной дороги Егоршино-Алапаевск, пустил под откос красный воинский эшелон. Считая, что белые, выйдя с севера к Егоршино, могут отрезать всю 1-ю бригаду Восточной (1-й Уральской) дивизии, красное командование решило ликвидировать угрозу обхода. Как свидетельствует краском С.Г.Пичугов в своих воспоминаниях, для этого был переброшен 1-й Горный советский полк. Полк имел 602 человека, в том числе 363 штыка, десять пулеметов и одно артиллерийское орудие[32].

В конце августа красные «горцы» заняли деревни Лебедкино и Осинцево, создав угрозу правому флангу белых, действовавших против Ирбитского завода. Подполковник А.В.Бордзиловский, сосредоточив все силы, начал контрнаступление с артиллерийского обстрела позиций противника. Краском С.Г.Пичугов вспоминал: *«Когда совсем рассвело и стали хорошо видны не только окопы, но и люди, со стороны белых вдруг раздался артиллерийский выстрел, и за линией наших окопов вырос, как исполинский куст, разрыв первого снаряда. За первым снарядом последовали еще и еще. Одни снаряды не долетали до линии наших окопов, другие перелетали их. Нам стало ясно, что противник подбросил сюда значительную артиллерийскую часть и ведет пристрелку по нашим окопам... Окопы наши, сделанные наскоро, неглубокие и в большинстве случаев одиночные, без ходов сообщения, не могли надежно защитить бойцов от сильного артиллерийского огня... Пристрелка подходила к своему финалу: снаряды падали по всей линии нашей обороны, близко от цепи и даже прямо в окопы. Противник перешел на беглую стрельбу»*[33]. Что же, похвала противника – самая лучшая аттестация артиллеристам единственной гаубицы капитана Аракина. Белые пошли в атаку, и деревня Осинцево была взята. 1-й Горный полк отошел за деревню Лебедкино, где красные усердно стали рыть окопы, испытав губительный артогонь.

Через несколько дней подполковник А.В.Бордзиловский вновь перешел в наступление. По участку обороны горцев был открыт артогонь, а в тыл была брошена вся имевшаяся у белых конница. Пример паники подал командир 1-го Горного полка С.А.Ходов, умчавшийся в сторону села Шогринское. За ним весь полк бросил позиции и побежал к болоту на правом фланге. С большим трудом принявший командование С.Г.Пичугов смог остановить панику и отвести бойцов на новую позицию у Тепловского кордона[34].

На рассвете следующего дня красные вновь заняли свои прежние позиции юго-западнее Лебедкино. 9 сентября подошла помощь – 7-я рота 1-го Крестьянского коммунистического полка. Бои продолжались с переменным успехом.

Поражение колонны полковника Киселева

Левая колонна полковника И.С.Смолина, действующая вдоль железной дороги от Сухого Лога на село Ирбитские Вершины и на Егоршино, вела затяжные бои. Командующий 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизией генерал-майор Г.А.Вержбицкий, получив приказ о наступлении, решил нанести удар правой колонной полковника К.С.Киселева. К этому времени правая боевая колонна была усилена и состояла из 1-го Степного Сибирского (капитана Жилинского), 6-го Степного Сибирского (полковника К.С.Киселева), 8-го Степного Сибирского (полковника Черкасова) и части 2-го Сибирского казачьего полков. Общая численность белых войск на этом направлении была 1200-1300 бойцов.

Красные войска в составе 1-го Камышловского и 1-го Горного полков с артиллерией и бронепоездом имели 2200-2300 бойцов и прикрывали подходы к Ирбитскому заводу и дорогу вдоль реки Бобровки. Главной позицией была линия от станции Боярка через деревню Боярка до Ирбитского завода. Левым флангом эта позиция упиралась в обширный лесисто-болотистый район, а правым – в пруд, находящийся к югу от завода. Южнее пруда также находился большой болотистый лес. Впереди главной позиции красные воздвигли две передовых. Белым предстояла лобовая атака. По единственной лесной дороге от деревни Анто-

новка к станции Боярка была направлена конная разведка.

Утром 13 сентября 700-800 белых сибирских стрелков поднялись из своих окопов и пошли в атаку на противника, находившегося от них примерно в тысяче шагов. Линия красных окопов была искусно замаскирована кустами, а ее южная оконечность прикрывалась речкой. Все вместе взятое способствовало обороне, но красные не устояли и, сбитые в нескольких местах, начали отход. Историк 1-го Камышловского полка П.П.Бажов объясняет первоначальный успех белых тем, что последние нанесли решительный удар по левому красному флангу, ослабленному уходом 2-й роты, состоящей почти исключительно из ирбитско-заводских рабочих. Она была переброшена под станцию Реж, где совместно с ротами 1-го Крестьянского коммунистического полка прикрывала разрыв во фронте. (Почти двадцатикилометровый разрыв возник там в результате перехода на сторону белых Волынского полка).

Итак, после взятия передовой линии белые продолжали наступать. Более семисот бойцов, развернувшись цепями версты на три, тяжело шагали по болотистой и отчасти вспаханной местности. С утра шел дождь, шинели скоро промокли и отяжелели, но потери были невелики и белые бодрились. Вторая линия красных окопов оказалась слабее первой, по большей части они были небольшими ямками, вырытыми среди распаханных полей. Роты Камышловского полка, отстреливаясь, покатились к третьей линии.

Дождь продолжался. В окончательно промокших шинелях, облепленные грязью и комками земли белые делали перебежки и наконец вышли к третьей линии красных окопов. Перед ней шла, хотя и невысокая, но сплошная полоса проволочных заграждений и небольшой овраг. Несколько часов движения по грязи нарушило порядок в цепях. Кое-кто отстал, другие сбились в кучки. Влияние начальников на цепи ослабело. Главная масса наступающих вышла к деревне Боярке, станция оставалась на фланге. На отсутствие должного порядка у белых указывает следующий эпизод. Перед деревней Боярка в тылу 5-й роты 6-го Степного полка вдруг появилась вторая цепь человек в пятьдесят. Все белые знали, что резервов в тылу нет. Кто бы это мог быть? Откуда они

взялись? Свои ли? Белые стали оглядываться, вот видны лица, но все чужие, незнакомые. На руках белые повязки. Расстояние между цепями триста шагов. Двое смельчаков из 5-й роты побежали к неизвестным. Шагов через полтораста они закричали: «Мадьяры!» Это оказались красные венгры, отставшие от своих. Белая цепь повернулась и началась сильная стрельба. Мадьяры бросились на юг и сравнительно благополучно ушли к своим через разрывы, потеряв только человек двадцать взятыми в плен.

Овраг перед главной позицией красных белые бойцы перешли, еще более перемешавшись, и сильного удара не получилось. Борьба затянулась. Одним из главных мест сопротивления явился овин, расположенный на небольшом бугре. Залегшая вокруг него сотня красноармейцев доблестно и умело оборонялась. Два раза белые цепи поднимались в атаку, но оба раза красные пулеметчики заставляли их тотчас же ложиться. Наконец, уже в наступающих сумерках, белые поднялись в третий раз. Красные открыли огонь, но на сей раз он не остановил белых. С криком «ура» сибирские стрелки шли на овин... Красные побежали. На подступах к овину белые оставили почти сорок человек. Уже в темноте 13 сентября деревня Боярка была взята. Бойцы были измучены до крайности, это и понятно, если учесть день наступательного боя в отвратительную погоду. Люди валились с ног.

Таким образом, за день упорного боя были взяты три красных линии обороны, противник был отброшен к своей базе, но завод и станция остались у красных в руках, и они не чувствовали себя побежденными. Может быть, белым и удалось бы взять завод, если бы они нашли в себе силы продолжить бой или у них был резерв. Где был обходной конный отряд, оставалось неизвестным, разведчики, пытавшиеся проникнуть на станцию, донесли, что там красный бронепоезд.

Руководство 1-го Камышловского полка и Ирбитского завода сумело за ночь мобилизовать всех тех, кто хоть чем-нибудь мог быть полезен фронту. Едва рассвело, красные пошли в контратаку. В деревне белые бой не приняли, поспешно оставили ее и отошли за овраг. Там они развернулись и открыли огонь. Несколько красных трехдюймовок осыпали белую цепь гранатами и шрапнелями. Артиллерия сибирских стрелков едва отвечала из-за отсутствия снарядов. До

обеда красные успеха не имели, но все же положение белых бойцов постепенно ухудшалось: их силы таяли, о помощи не было ни слуху ни духу. Вскоре после обеда белые дрогнули и покатилась назад.

Как раз в это утро на станцию Боярка прибыла 2-я рота Камышловского полка из-под Режа. Хотя рота была утомлена, но ее командир, правильно оценив обстановку, повел наступление на правый фланг белых с заходом им в тыл. Эта поддержка вместе с нажимом с фронта и решила участь боя[35]. Белые начали беспорядочно отступать. Не остановились сибирские стрелки и на своих старых позициях. Деревни Шмаковка и Якшино были брошены, и степные полки откатывались к Килачевскому. Как это и бывает при поспешном отступлении, многое бросалось, была неразбериха. Трудно сказать, занимали ли красные Шмаковку. По сведениям П.П.Бажова, красноармейцы видели на улицах множество убитых, а среди них местного священника. Поручик Б.Б.Филимонов свидетельствует о следующем. Видя, что белые понесли поражение и отходят, крестьяне Шмаковки и Якшино, подобрав часть оружия, решили дать отпор красным ирбитским рабочим. Когда красная разведка подошла к Шмаковке, она была встречена сильным огнем и отошла. Командованию было доложено, что «белобандиты» сильно укрепились в деревне.

Конная команда сотника Вальшевского получила задание выйти к железнодорожной станции Боярка и ударить по красным, оказав тем самым помощь атаке Ирбитского завода, но попытка занятия станции окончилась неудачей, у красных здесь оказалась пехота и бронепоезд. Конная команда ушла обратно, через Антоновку на Осинцево и Неустроевку, где встретила людей подполковника А.В.Бордзиловского. Только тут они узнали о больших потерях и неудаче наступления на Ирбитский завод[36].

По данным красного командования потери белых войск составили около двухсот человек[37]. Б.Б.Филимонов пишет, что от двух батальонов 1-го Степного полка осталось каких-нибудь семьдесят человек. Из двадцати шести офицеров 5-й роты 6-го Степного полка после боя в строю осталось только два. Имена большинства погибших неизвестны. Только по сообщению тобольской газеты «Сибирский

листок», в среду 23 октября 1918 г. в церквах Тобольска служились литургические панихиды в сороковой день по павшим в бою поручику В.Г.Шиллерову, подпоручику К.П.Яковлеву, прапорщику П.И.Осипову. Через день после боя в 1-й Степной полк из Омска внезапно приехала группа жен офицеров. Очень многие из них нашли только холодные тела или умирающих калек. Картины этих встреч были душу раздирающие...

Теперь вся тяжесть боевых действий с егоршинской группой красных легла на левую боевую колонну полковника И.С.Смолина из 1-й Степной дивизии и Особый отряд подполковника Э.Я.Рютеля из состава 7-й Уральской дивизии горных стрелков. В упорных боях красные были оттеснены к станции Егоршино. Части правой боевой колонны полковника К.С.Киселева перешли из села Килачевского в Шмаковку и заняли свои старые позиции. В ночь с 19 на 20 сентября 1918 г. 1-й Камышловский полк в полном составе убыл под Нижний Тагил, где для красных складывалась угрожающая обстановка. На следующий день белые дозоры без боя вступили в Ирбитский завод.

БОГДАНОВИЧ И ЕГОРШИНО

Действия чехов

После падения 25 июля красного Екатеринбурга советским войскам Северо-Урало-Сибирского фронта, отходившим с тюменского, шадринского и екатеринбургского направлений, оставалась для отхода только одна дорога – через Богданович на Егоршино, Алапаевск и Нижний Тагил. В двадцатых числах июля богдановичский железнодорожный узел работал в чрезвычайной обстановке. На станцию то и дело прибывали и отправлялись эшелоны с эвакуируемыми ценностями и людьми. Ехали вагоны с многочисленными советскими учреждениями, за ними уходили войска. Несмотря на то, что на каждый паровоз ставили конвойного красноармейца с винтовкой, машинисты бежали. Эшелоны вели помощники, а зачастую и кочегары. Дежурный по станции Богда-

нович исчез, телеграфисты тоже, и всю работу по организации движения вели работники военных сообщений[38].

На станции Богданович располагался 1-й Крестьянский коммунистический полк. Штаб его был частью в вагонах, частью в вокзале, из окон которого устрашающе торчали стволы пулеметов Кольта. Командир полка товарищ П.Н.Подпорин то и дело появлялся на водонапорной башне, откуда выкрикивал приказания, отправляя кавалерийские разъезды то в одну, то в другую сторону. Среди красноармейцев циркулировали тревожные слухи, и их настроение менялось каждый час: красноармейцы то бодрились, то падали духом. Поговаривали о предательстве. Мобилизованные из Каменского завода разбегались. В отдельном товарном вагоне томились заложники – купцы и священники. Здесь же, рядом со станцией, хоронили убитых. Все происходило с какой-то поразительной быстротой. У всех крепло убеждение, что надо уходить дальше, и в ночь на 28 июля 1918 г. станция Богданович начала пустеть. Последними ушли на север работники военных сообщений[39].

Опасения красноармейцев были не напрасны: чехи и белые добровольцы с 27 июля вели наступление на Богданович. С юга подходила колонна подполковника Д.Н.Панкова, с востока – чешско-русский отряд, возглавляемый генералом Г.А.Вержбицким, с запада, со стороны Екатеринбурга, выдвигалась чешская разведка из группы полковника С.Н.Войцеховского. Первой к Богдановичу выходила колонна подполковника Д.Н.Панкова: 27 июля от станции Синарской на Богданович шел самодельный чешский бронепоезд со стрелковым десантом, западнее, по тракту через деревню Каменноозерское, наступал добровольческий Шадринский отряд капитана А.А.Куренкова. Чехи и русские добровольцы должны были соединиться в селе Троицком, в нескольких верстах южнее Богдановича, но своевременно прибыли только чехи и, отогнав конную разведку красных, заняли село. Бронепоезд встал не доходя станции Богданович верстах в трех. Шадринский добровольческий отряд вышел за ночь к Пермь-Тюменской железной дороге и перерезал ее у разъезда № 5. Отходившие из Екатеринбурга бронепоезда и эшелоны были отрезаны. Их команды бежали, и в руки белых попали богатые трофеи: два бронепоезда, одно орудие, семь пулеметов и

пятьдесят две тысячи патронов. Рано утром 28 июля со стороны Екатеринбурга к разъезду подошел чешский бронепоезд из группы полковника С.Н.Войцеховского.

В эти же ранние часы 28 июля в село Троицкое прибыл командир 1-го батальона 2-го чешского Иржи из Подебрад полка поручик А.Гасал. Чехи пошли вперед. В 7 часов утра их бронепоезд в полной тишине въехал на станцию Богданович. Она была пуста, на путях стояло несколько поврежденных вагонов и валялось брошенное имущество. Некоторые железнодорожные стрелки были повреждены. Поручик А.Гасал выслал два дозора. Шедший в сторону Егоршино выяснил, что железнодорожный мост через речку Кунару в двух верстах от станции не поврежден. Дозор, двинувшийся на Камышлов, в 9 часов утра встретился с казачьей разведкой отряда генерал-майора Г.А.Вержбицкого[40].

Вечером этого же дня два чешских бронепоезда и роты поручика А.Гасала двинулись в преследование красных. В 22 часа без боя была занята станция Кунара. Стало известно, что за рекой Пышмой на сильной позиции расположились красные полки: у селения Сухой Лог 1-й Крестьянский коммунистический, а восточнее – 4-й Уральский полк. Оставив в районе станции Кунара часть своего отряда (бронепоезда, 2-ю роту и команду пеших разведчиков), с остальными силами поручик А.Гасал выступил рано утром 29 июля прямо на восток к селу Курьи. С ним были 1 и 3-я роты с пулеметным взводом, усиленные сорока пятью русскими добровольцами из 2-го Степного Сибирского полка.

Село Курьи размещалось на большом пространстве по обоим берегам реки Пышмы. Оно представляло собой восемь выселков, два из которых находились на южном, а остальные – на северном берегу реки. Они имели свои особые названия: самый восточный – Гляделово, затем – Курьи с церковью, Горки, Медведский и самый западный – Курорт с большим парком. Через Пышму имелись три переправы: мосты в Гляделово и Горках, а выше парка была плотина. Красный 4-й Уральский стрелковый полк занимал высоты на северном берегу реки, прикрыв переправы полевыми караулами, и имел 880 человек и тринадцать пулеметов[41]. В селе Курьи от 4-го Уральского полка был выставлен заслон в 150 бойцов под командованием Рогова[42]. Чехи развернулись в линию:

справа – половина 1-й роты, в центре – часть 3-й роты и русские добровольцы, слева – часть 3-й роты с пулеметным взводом. В резерв была назначена половина 1-й роты.

Скрытно выдвинувшись на позицию, чехи стремительно атаковали. На левом фланге стрелки 3-й роты захватили переправу и очистили противоположный берег. В захвате переправы чехам помог курьинский крестьянин Осип Дружинин, который провел их на северный берег Пышмы, благодаря чему они и обошли позиции красных. Узнав об этом, поручик А.Гасал отреагировал быстро. Продолжая имитировать атаку половиной 1-й роты, он стянул все остальные силы и резерв к переправе. Маневр удался, и чехи с русскими добровольцами атаковали неприятеля на северном берегу во фланг и в тыл. Дошло до штыкового и гранатного боя, красные были сломлены и побежали в сторону села Новопышминского. На поле боя остались 136 убитых красноармейцев, пулемет Кольта, сотня винтовок, двадцать тысяч патронов, походные кухни и семь оседланных коней. В 9 часов утра село Курьи было в руках у чехов, которые потеряли двух стрелков убитыми и трех ранеными[43].

Одновременно с боем за Курьи шла ружейная и артиллерийская перестрелка в Сухом Логу. Рано утром 29 июля напротив Сухого Лога на южном берегу Пышмы появились чешские разведчики и начали перестрелку. Затем открыл артиллерийский огонь подошедший бронепоезд № 1 Степной Сибирской дивизии (комендант бронепоезда капитан артиллерии Г.А.Козловский). На северном берегу со стороны красных также показался бронепоезд, который белые немедленно начали обстреливать и со второго залпа угодили по броневагонам. Начался пожар, стали рваться боеприпасы, путь был завален. В такой обстановке 1-й Крестьянский коммунистический полк вместо контрудара на Курьи стал отступать на север. Параллельно с ним отходил и 4-й Уральский полк. Весь день 30 июля на станции Антрацит (ныне станция Алтынай) шло совещание, а точнее спор между командирами отдельных советских отрядов, кто из них будет главным руководителем егоршинского направления. Споры ни к чему не привели, и в конечном итоге было решено отходить дальше на север. После обеда к Егоршино потянулись эшелоны с семьями, беженцами и имуществом. К вечеру стали отходить и боевые части[44].

Для того чтобы обезопасить Пермь-Тюменскую железную дорогу, чехи наносили удар не только на Сухой Лог – Курьи, но и вдоль тракта Камышлов—Ирбит. Эта задача была возложена на подразделения 6-го Ганацкого полка под общим командованием штабс-капитана Л.Крейчи. Одна ударная группа в составе 3-го батальона и команды конных разведчиков 6-го полка, усиленная пулеметной командой 2-го Иржи из Подебрад полка, сотней 2-го Сибирского казачьего полка и двумя орудиями на автомобилях, наступая из Камышлова, должна была взять деревню Мостовую, где располагался сильный большевистский отряд. Командовал группой сам штабс-капитан Л.Крейчи. Вторая группа под командованием штабс-капитана Ульриха в составе 5 и 6-й рот, саперного взвода и команды траншейных орудий 6-го полка, усиленная сотней 2-го Сибирского казачьего полка, должна была наступать с полустанка № 10 через деревни Урминская, Лаптево и Тасево на село Стриганское и перехватить путь отхода красных из Мостовой. Операция началась 29 июля. Сначала все шло по плану, но затем группе Ульриха пришлось вступить в бой с небольшим красным отрядом, который вскоре отступил и разбежался по лесам. Из-за этой задержки встревожившиеся красные успели уйти и проскочить в ночь на 31 июля село Стриганское. Капкан захлопнулся впустую[45].

Отбросив красных к северу от Пермь-Тюменской железной дороги и обезопасив, как они считали, свою коммуникацию, чехи начали переброску своих войск на другие фронты. Командование Чехословацкого корпуса и Сибирской армии посчитало, что с деморализованными красными может успешно вести бои молодая, вновь формирующаяся белая Сибирская армия. Казалось, что большевикам в Зауралье нанесена смертельная рана, но это была жестокая ошибка. На самом деле красные войска были только отброшены на север, но отнюдь не деморализованы. Большевики лихорадочно работали, напрягая все силы и исправляя допущенные ошибки. Все войска бывшего Северо-Урало-Сибирского фронта переформировывались в 3-ю армию. В районе Алапаевск—Егоршино создавалась Восточная (с 25 августа – 1-я Уральская) дивизия под командованием Г.И.Овчинникова в составе 1 и 2-й бригад, запасных и технических частей. Основным противником белой 1-й Степной Сибирской дивизии была 1-я

бригада под командованием М.В.Васильева, опиравшаяся на Егоршино – Ирбитский завод. В ее состав вошли 1-й Крестьянский коммунистический, 1-й Камышловский и 4-й Уральский полки, кавэскадроны, артиллерия и бронепоезда. Рабочие большевизированного Алапаевского горного округа широко поддержали красных и давали им значительные пополнения. Переформировавшись и опираясь на шахтерское Егоршино, бригада М.В.Васильева перешла к активным действиям.

Участник событий и историограф чешского 6-го Ганацкого полка А.Кубичек назвал позднее ошибкой и большим легкомыслием решение поручить действия против красной Восточной дивизии молодым и малочисленным сибирским частям. Недооценка красных сил очень скоро принесла много тяжелых проблем и расстроила успехи на других направлениях.

Поражение отряда подполковника Панкова

Перед сменившими чехов частями 1-й Степной Сибирской дивизии генерал-майора Г.А.Вержбицкого стояла задача очищения Ирбитского уезда и окончательного разгрома красных в Зауралье. Для этого было необходимо в первую очередь взять узловую станцию Егоршино. Штаб и главные силы генерал-майора Г.А.Вержбицкого располагались в Камышлове. Там находились 1 и 3-й Степные Сибирские полки и 2-я сотня 2-го Сибирского казачьего полка. Действующая по дороге Богданович-Егоршино левая боевая колонна подполковника Д.Н.Панкова на 1 августа 1918 г. имела в своем составе 2-й Степной Сибирский стрелковый полк, Курганский добровольческий отряд поручика Ф.Грабчика, Шадринский добровольческий отряд капитана А.А.Куренкова, сотню 2-го Сибирского казачьего полка, бронепоезд и два или три артиллерийских орудия. Несмотря на солидные названия составляющих ее частей, колонна насчитывала около пятисот бойцов, которые к тому же были слабо вооружены и еще хуже оснащены и одеты.

Местность, на которой происходили боевые действия колонны, охватывала западную часть Камышловского уезда,

восточную часть Екатеринбургского и юго-западную часть Ирбитского уезда. В районе реки Пышмы эта территория была густо заселена и распахана. Далее к северу начиналась малонаселенная лесисто-болотистая равнина. Район станции Антрацит был своеобразным дефиле, ограниченным с востока болотами истоков реки Ирбит, а с запада – озером Алтынай и рекой Рефт. Далее к северу за рекой Бобровкой опять начиналась густо заселенная местность, центром которой являлась станция Егоршино со своими каменноугольными месторождениями. Железная дорога из Богдановича после пересечения с веткой из Екатеринбурга на Тавду, продолжалась на север, к Алапаевску, поворачивая на Нижний Тагил, где и соединялась с Уральской горнозаводской железной дорогой.

Сменив чехов на линии реки Пышмы, колонна подполковника Д.Н.Панкова начала 30 июля продвигаться на север вслед за отходящими красными и вышла на подступы к станции Егоршино. Из дневников красноармейца 1-го Крестьянского коммунистического полка Ф.И.Голикова (будущего советского маршала) явствует, что подразделения его полка вечером 3 августа 1918 г. заняли оборону на южной окраине деревни Егоршино[46]. Незначительные бои на этом рубеже шли несколько дней. 6-7 августа развернулись решающие события. Белые сибирские стрелки вели наступление на железнодорожный мост через реку Бобровка, но их наступление было отбито. Превосходство красных было налицо. Подполковник Д.Н.Панков решил остановить атаки и выждать подкреплений, запрошенных в Камышлове. Отразив наступательные попытки белых, красные войска сами перешли в наступление.

Участник тех событий штаб-ротмистр А.Н.Ленков вспоминал: *«Красные открыли огонь по позиции белых из всех своих орудий... Тяжелые снаряды гаубиц с грохотом рвались в лесу, шрапнель, взвизгивая, пела в воздухе... После обеда по небу поплыли тяжелые тучи, стемнело и разразилась страшная гроза... Раскаты грома чередовались с разрывами шрапнелей и гранат, ослепительные молнии с вспышками разрывов. Под порывами бури лес гнулся и стонал, а взрывы гранат валили огромные деревья. Под страшным ливнем и огнем противника белые стрелки доделывали свои окопчи-*

ки... В результате 6-ти часовой работы, отряд оказался укрытым и не нес пока больших потерь». Ночь прошла спокойно: белые отдыхали, будучи уверенными в том, что красные не осмелятся предпринять ночную атаку. С рассветом красная артиллерия открыла огонь, и через полчаса, решив, что сопротивление белых подавлено, пехота пошла в атаку. Сосредоточенным огнем белые ее отбили. Снова начался огонь батарей и новая попытка атакой в лоб сбить «белобандитов». Но пулеметы белых работали исправно, и красноармейцы опять приникли к земле.

Бой продолжался. Наконец стало смеркаться. В это время с правого фланга прискакал офицер с сообщением о движении крупного отряда красной пехоты с конницей и артиллерией в глубокий обход белых. Это сообщение решило дело: спешно на подводы были погружены раненые, а затем отряд стал отступать. Этот маневр был частью общего контрнаступления красных на Екатеринбург, начатого 6 августа. 1-й Крестьянский коммунистический полк под Егоршино атаковал белых в лоб, а 4-й Уральский стрелковый – обходил с фланга. Отдельные группы смельчаков пытались задержать красных, как например подпоручик Б.П.Чукмасов со своими бойцами, но основные силы левой колонны покатились на юг. 8 и 9 августа были оставлены станция Антрацит и село Ирбитские Вершины.

А.Н.Ленков воспоминал: *«Панков не справился с положением. Он был слишком потрясен неудачей. Между тем, крохотные части колонны оказались подавленными вконец. Для едва обстреляной молодежи неудача штурма моста и слух о движении обходной колонны означали теперь полный конец всего дела. Паника была налицо... Панков для восстановления положения не нашел ничего лучшего, как поспешить на броневике в тыл для вызова резервов.* (бронепоезд № 1 капитана Г.А.Козловского – А.К.) *Отъезд начальника на чинов отряда произвел гнетущее впечатление...*[47]

Ситуация для белых войск была крайне неблагоприятной. Своими решительными действиями красные могли бы взять Богданович и прервать железнодорожное движение между Екатеринбургом и Тюменью. Но откинув белых на юг и заняв ряд селений по реке Пышма, а также станцию

Кунара, красные остановились. Б.Б.Филимонов по этому поводу замечал: *«Неудачи двух месяцев борьбы научили их быть более осторожными, не слишком доверять своим горлопанам и высоко ценить малочисленного, но весьма деятельного противника»*. Тем не менее ситуация для белых оставалась чрезвычайно сложной. Потрясенный неудачей подполковник Д.Н.Панков подал рапорт о своей болезни.

Полковник Смолин

В такой ситуации генерал-майор Г.А.Вержбицкий поставил во главе левой боевой колонны командира 3-го Степного Сибирского полка полковника Иннокентия Семеновича Смолина и приказал ему восстановить положение и первым делом отбить станцию Кунара. К полудню 3-й полк должен был быть готов к выступлению на станцию Богданович. Полковник подтвердил недопустимость употребления воинскими чинами спиртных напитков, к чему были склонны многие по случаю отдыха. Своей строгостью и решительностью полковник И.С.Смолин хотел крепко взять в руки воинские части.

Как далее развивались события, И.С.Смолин пишет в своих записках: *«В 10 часов я, решив проверить, как выполняется мой приказ, прошел на станцию. Выполнялся он весьма слабо и вяло. В зале 1-го класса такая картина: полно офицеров. Сидят за столиками. Идет попойка. Шум. Гвалт. Мое появление смутило лишь немногих. Я подошел к одному из столиков: «Кто из вас старший?», – спросил я. Один из сидящих поднялся и отрекомендовался. «Известны ли Вам мои приказы: боевой и о воспрещении пьянства?» «Так точно; известны», – отвечает развязно поручик. «Но, в таком случае, как же Вы дозволяете заниматься вот этим?», – и я указал на стол, уставленный бутылками и закуской. Поручик пожимает плечами и, усмехаясь, говорит: «Но ведь это не пьянство, а только маленькое подкрепление... для бодрости». Я намеренно говорил громким голосом, чтобы все слышали. И, действительно, галдеж в зале прекратился, все обратились в нашу сторону. Дерзкий ответ пьяного офицера взорвал меня. Я понял, что для вразумления пьянствующей толпы нужны не слова и не увещевания, а са-*

мые решительные и крайние меры. Я выхватил из кобуры револьвер, направил его в говорившего и выстрелил...»[48]

Весть об этом выстреле облетела всю станцию. Железнодорожники и все воинские чины забегали и засуетились. В полдень назначенные к выступлению части двинулись на Богданович. Уже вечером 3-й Степной Сибирский полк выгрузился на станции Богданович и, присоединяя к себе по дороге остатки левой колонны, двинулся на север. 12 августа была занята станция Кунара. Белые остановились, только встретив сильное сопротивление по линии реки Пышмы. Силы красных определялись в полторы тысячи штыков при трех орудиях и одном бронепоезде. Силы белых составляли пятьсот штыков и сабель при восьми пулеметах, четырех орудиях, бронепоезде и самолете[49].

Заняв станцию Кунара, белые повели борьбу за линию реки Пышмы. Вперед были выдвинуты все силы: части 2 и 3-го Степных Сибирских полков, Шадринский и Курганский добровольческий отряды и сибирские казаки. Но все равно красные превосходили колонну полковника И.С.Смолина по численности как минимум в три раза. Пришлось прибегнуть к мобилизации, рассчитывая на симпатии, которые питало население этой местности к освободившим их сибирским стрелкам. Многие крестьяне изъявляли желание служить под бело-зеленым сибирским знаменем, но добровольцами не шли, опасаясь расправы большевиков над своими родственниками в случае оставления по военным обстоятельствам их родных деревень. А мобилизация как бы снимала с них ответственность за поступление в белую армию. В богатое волостное село Новопышминское был послан штаб-ротмистр А.Н.Ленков, где вместе со становым приставом Алферовым с одобрения крестьянского схода мобилизовал около двухсот человек, которые приняли активное участие в борьбе с красными.

Под Сухим Логом и Курьями в течение нескольких дней шли упорные бои, потребовавшие большого напряжения всех сил. В ночь с 13 на 14 августа 2-я рота (командир роты – штабс-капитан Кнутарев) Шадринского добровольческого отряда капитана А.А.Куренкова, зайдя красным в тыл, атаковала и заняла село Сухой Лог. Одними из первых кинулись в атаку прапорщик Андрей Кузнецов, прапорщик Ни-

Генерал-майор А.В. Бордзиловский

Б.Б. Филимонов. Шанхай. 1930-е гг.

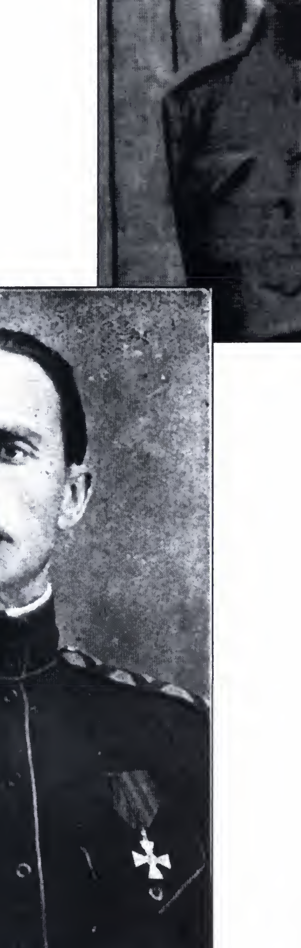

Поручик Антонин Гасал – командир батальона 2-го Иржи из Подебрад стрелкового полка

Командир 3-го Яна Жижки стрелкового полка М. Немец

Полковник
М.С. Тарасевич

Генерал-майор
И.С. Смолин

Группа офицеров и стрелков 16-го Ишимского стрелкового полка. В цент

...л. *В центре сидит капитан Н.Н. Казагранди. Верхотурье. Ноябрь 1918 г.*

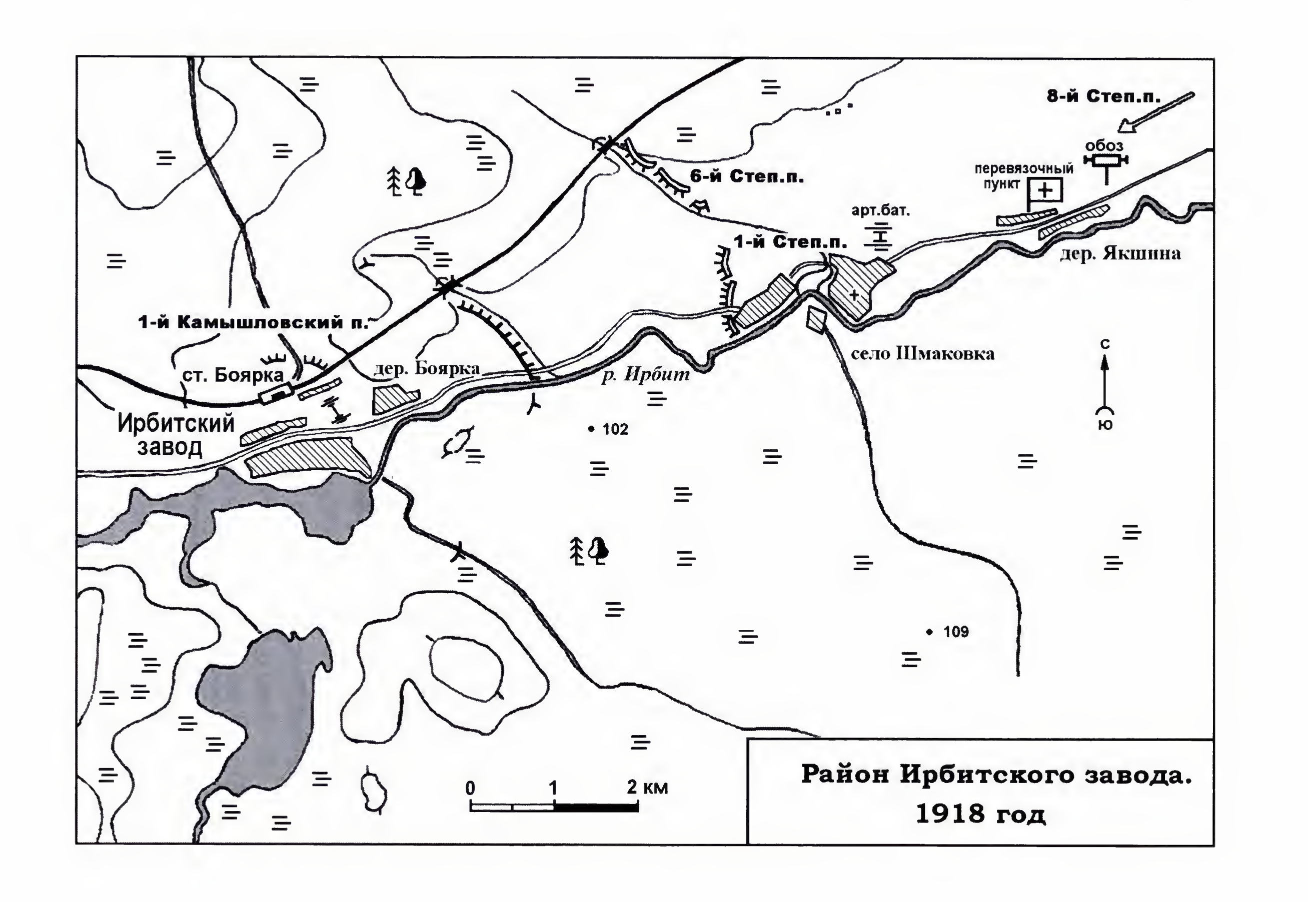
Начальник штаба 7-й Уральской дивизии горных стрелков полковник Я. Рютель. Снимок 1930-х гг.

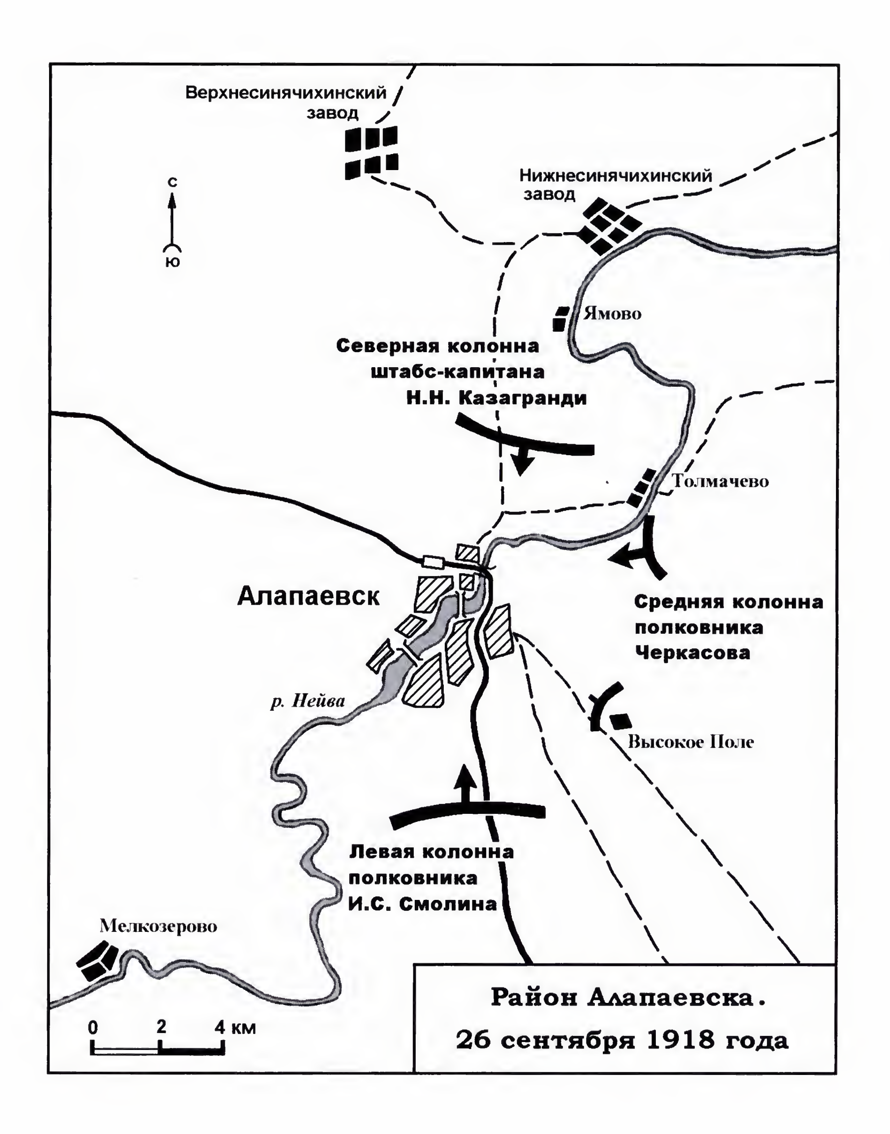

А.А. Куренков

Верхотурье
С
Ю
Гороблагодатская
р. Тавда
р. Тура
Туринск
Тавда
Сан-Донато
Алапаевск
Нижнетагильский завод
р. Нейва
Ирбит
р. Ница
Режевской завод
Егоршино
Ирбитский завод
Кузино
Екатеринбург
Тюмень
Камышлов
Богданович
Дружинино
0
50 км
Синарская

Район боевых действий в Зауралье летом - осенью 1918 года

8-й Степ.п.
обоз
перевязочный пункт
арт.бат.
1-й Степ.п.
6-й Степ.п.
дер. Якшина
село Шмаковка
1-й Камышловский п.
ст. Боярка
дер. Боярка
р. Ирбит
Ирбитский завод
102
109
с
ю
0
1
2 км
Район Ирбитского завода.
1918 год

Верхнесинячихинский
завод
Нижнесинячихинский
завод
с
ю
Ямово
Северная колонна
штабс-капитана
Н.Н. Казагранди
Толмачево
Алапаевск
Средняя колонна
полковника
Черкасова
р. Нейва
Высокое Поле
Левая колонна
полковника
И.С. Смолина
Мелкозерово
0
2
4 км
Район Алапаевска.
26 сентября 1918 года

колай Фокин и унтер-офицер Александр Семенов, смертью своей запечатлев победу. В этом же бою были ранены поручик Боголюбов, прапорщик Тургенев, доброволец унтер-офицер Мальтюшев и доброволец-реалист Владимир Яхонтов[50].

«Штаб-ротмистру Ленкову. № 104, Ст. Кунара
14 авг. 1918 г. 10 ч. 30 м.

Противник, занимавший северную часть с. Сухой Лог, сегодня рано утром, под натиском рот, направленных мною в тыл Сухому Логу, очистил это село. В развитие успеха мною сегодня предполагается выслать колонну через с. Темное (Рянусово) на ст. Антрацит с целью захватить эту последнюю и, развивая дальше успех на село Ирбитские Вершины, содействовать этим работе колонны подпоручика Аргентовского. Дабы Вы были в курсе того, что доносит мне подпоручик Аргентовский, разрешаю Вам прочитывать донесения его ко мне, расписываясь на них в прочтении и в запечатанном виде препровождать их ко мне. Отзывы и пропуски посылаю Вам.

Полковник Смолин»[51].

Под натиском бойцов полковника И.С.Смолина красные оставили линию реки Пышма и отвели свои полки к северу. Помимо нажима белых бойцов этому немало способствовала и обстановка, сложившаяся на линии железной дороги Екатеринбург-Егоршино. 15-18 августа группа чешских войск полковника С.Н.Войцеховского разбила красные части и вышла в район станций Крутиха-Реж, угрожая тылу 1-й бригады М.В.Васильева.

Очистив линию реки Пышмы, красные войска отошли в район станция Антрацит – деревня Елкино – село Ирбитские Вершины, где местные условия благоприятствовали обороне. Дефиле имело ширину пять-шесть верст, кругом был заболоченный лес. Упорная борьба продолжалась. Белые ходили в ночные атаки и пытались обойти позиции красных, но все их действия были безуспешны. Обе стороны несли большие потери. Курганский добровольческий отряд поручика Ф.Грабчика, насчитывавший свыше ста бойцов, после этих боев остался в числе двадцати человек. Остатки курганцев были влиты в 3-й Степной Сибирский полк. По дан-

ным Б.Б. Филимонова, под станцией Антрацит и селом Ирбитские Вершины белые потеряли убитыми сто пятьдесят офицеров и более двухсот солдат. Большинство их остались неизвестными, до нас дошли только немногие имена. 19 августа под селом Ирбитские Вершины пал уроженец села Иванищевское Шадринского уезда поручик Филиппов. 20 августа там же был ранен в руку и в живот и, потеряв много крови, скончался на следующий день екатеринбуржец подпоручик Б.П.Чукмасов. 26 августа здесь же пал в бою екатеринбуржец подпоручик В.А.Дрездов. В этих же боях пали камышловец студент-доброволец Василий Деревин, камышловец студент Геннадий Кирпичников, воспитанник Пермской духовной семинарии прапорщик И.Сабанин. Павших не всегда предавали земле, о чем вспоминал Ф.И.Голиков: *«Отошел я недалеко от станции. Собираю ягоды и вдруг неожиданно натыкаюсь на тела убитых. Присмотрелся – белые офицеры. Жалеть-то их я, конечно, не жалею. Но прогулка испорчена»*[52].

Основной проблемой белых оставались малочисленность и слабое вооружение, в дополнение к этому они испытывали острый недостаток буквально во всем: в одежде и обуви, в амуниции и снаряжении, в технике и оборудовании. Весьма немногочислен в рядах белых бойцов был кадр сестер милосердия. В это жестокое время находилось мало желающих ехать на фронт, ибо в случае пленения сестер ожидала печальная судьба. Красные полки, особенно 1-й Крестьянский коммунистический, отличала жестокая манера боя: пленных обычно не брали, раненых добивали штыками. Командир Крестьянского коммунистического полка Ф.И.Акулов любил лично рубить пленных офицеров и священников. Революционная сознательность и классовая ненависть выражались в самых бесчеловечных проявлениях.

Исключительную признательность и преклонение белых бойцов заслужили те немногие истинные героини, отдававшие свои силы на помощь страдавшим воинам. Добровольцы никогда не забывали своих сестер милосердия и особенно одну из них – Веру Ивановну Смолину, супругу полковника И.С.Смолина. Во время Великой войны Вера Ивановна работала на передовом перевязочном пункте и была тяжело ранена. После выздоровления она вновь вернулась на фронт и

оставалась там до развала армии. В дни Гражданской войны Вера Ивановна относилась с одинаковой заботой как к своим белым воинам, так и к раненым врагам, попавшим в плен. *«Это была женщина поистине золотого сердца. Все, кто знал ее в армии, даже недруги ее мужа, относились к ней с искренним уважением и любовью и потому были охвачены чувством неподдельной скорби, когда 5 октября 1922 г., в Приморье, она скончалась от дизентерии и тифа, заразившись этими недугами при уходе за больными белыми воинами»*[53].

Ученый-океанолог член-корреспондент Российской Академии наук Г.Б.Удинцев вспоминал в своей беседе с членом Екатеринбургского военно-исторического клуба Н.Б.Неуйминым, как в 60-е гг. научно-исследовательское судно «Витязь», на котором Г.Б.Удинцев ходил в экспедиции, зашло в город Папеэте на острове Таити. Это был первый советский корабль на Таити, и встречать его вышло все население городка. Среди пришедших в порт выделялся высокий седой старик, к которому окружающие относились с явным уважением. Он среди прочих побывал на «Витязе» и в разговоре с Г.Б.Удинцевым сказал, что ему очень хотелось бы побывать в России, на Дальнем Востоке. На вопрос, почему же он не едет, старик грустно усмехнулся и сказал, что нельзя, и добавил: *А ведь там у меня жена похоронена!* Это был белый генерал И.С.Смолин.

У белых не была налажена система снабжения, и командирам приходилась изворачиваться, кто как может. Постоянно выручало белых местное население. Штаб-ротмистр А.Н.Ленков вспоминал, как разъезд под его командой прибыл на изумрудный прииск Ж. де Сукантона, отстоящий верст на двадцать к западу от станции Антрацит, там оказалась больница, персонал которой очень радушно встретил кавалеристов. Заведующий больницей без всяких разговоров предоставил им приличный запас медикаментов и перевязочных средств. Любопытно, что несколько человек красных милиционеров прииска сразу сдались и стали просить принять их в число белых бойцов.

Бои за район станция Антрацит – село Ирбитские Вершины длились более двух недель, были очень тяжелы, но оказались безрезультатными: слишком неблагоприятной была

местность и сильны красные. Виновно в этом было и командование 1-й Степной Сибирской дивизии, строившее свой план на лобовых атаках.

Перелом наступил несколько неожиданно и был связан с неблагоприятными для красных событиями на подступах к Режу. 8 сентября 1918 г. большая часть Волынского полка 2-й красной бригады перешла на сторону белых. Для прикрытия образовавшегося во фронте разрыва был переброшен 1-й Крестьянский коммунистический полк. 4-й Уральский полк был отведен на рубеж рек Буланаш и Бобровка. Основная тяжесть боев за егоршинскую позицию переместилась на фланги – в районы села Покровского и Ирбитского завода.

Отзвук тагильских событий

Поражение под Ирбитским заводом 13-14 сентября 1918 г. и большие потери колонны полковника К.С.Киселева тяжело отозвались на всей 1-й Степной Сибирской дивизии. На части полковника К.С.Киселева на ближайшее время рассчитывать было нельзя. Штабс-капитан Н.Н.Казагранди со своим лихим отрядом был слишком далеко от главного театра сражения. На полковника И.С.Смолина легла трудная задача – не дать красным покончить с разбитыми частями полковника К.С.Киселева и сломить сильный 4-й Уральский стрелковый полк, в котором насчитывалось 1172 человека, в том числе 629 штыков, 68 сабель и 16 пулеметов[54]. Полковник И.С.Смолин решил прибегнуть к следующему маневру. На позиции был оставлен незначительный отряд, которому было приказано при первом же нажиме красных отходить в сторону реки Пышмы, не теряя при этом огневой связи с противником. Отборную часть отряда с артиллерией было решено разместить в засаде. Для того чтобы подбодрить красных и заставить их в эшелонах двинуться вперед, часть отряда уходила к Пышме, и был пущен слух, что вся артиллерия белых отведена в глубокий тыл и передается на другой фронт.

Красные перешли в наступление и стали теснить оставленный на позиции отряд капитана Вержболовича. Сначала красные продвигались осторожно, но, когда капитан Вержбо-

лович стал отступать, делая вид, что стремится оторваться и уйти за Пышму, большевики осмелели и решительно двинулись за отрядом, чтобы не дать белым оторваться и разрушить железную дорогу. Наступил момент, когда красный бронепоезд, идущий за своими цепями, показался ввиду засады. Вслед за бронепоездом двигались два эшелона. Когда красные эшелоны поравнялись с пристреленными вешками, белая артиллерия открыла огонь. Он оказался полной неожиданностью и вызвал среди красноармейцев сильнейший переполох. Полотно железной дороги было разбито позади первого эшелона, второй сумел уйти. Бронепоезд с первым эшелоном оказались в ловушке. Красные бойцы, рассыпавшиеся было в цепь, под кинжальным огнем белых орудий оставили бронепоезд и эшелон и в заметном беспорядке стали уходить. Белая пехота перешла в контратаку и к вечеру заняла станцию Антрацит.

Красные продолжали отходить и на следующий день заняли свои старые позиции за рекой Бобровка. Здесь они проявили неожиданное упорство. Непроходимая вброд, болотистая Бобровка благоприятствовала обороне. Несколько атак с попытками обойти фланги успеха не имели и принесли только чувствительные для белых потери. Положение левой боевой колонны вновь стало неопределенным: ее ожидали позиционные бои с хорошо укрепившимся и численно сильным противником.

Но как это уже не раз бывало, вопрос о взятии Егоршино был решен благодаря событиям на другом фронте. 20 сентября 1918 г. группа войск полковника С.Н.Войцеховского прорвалась к Нижнему Тагилу. В случае падения Тагила могла быть не только разгромлена 2-я Уральская стрелковая дивизия Р.П.Эйдемана, но и перерезаны коммуникации 1-й Уральской дивизии Г.И.Овчинникова. Все левое крыло 3-й советской армии оказалась под угрозой уничтожения, а это открыло бы для белых пермское направление. Журнал военных действий 3-й армии отмечал 20 сентября: *«Слишком серьезное положение создается со взятием Тагила, так как коммуникационная линия Алапаевск-Тагил отрезается. Поэтому является необходимым произвести перегруппировку, усилив части Тагильского направления за счет 1-й дивизии, действующей на Алапаевском направлении»*[55]. Перегруп-

пировка началась в ночь с 19 на 20 сентября. Из Ирбитского завода был снят 1-й Камышловский полк, а затем уже после оставления Егоршино был снят 4-й Уральский. 21 сентября 1918 г. на станцию Егоршино вступили части полковника И.С.Смолина.

КАДРИЛЬ У СТАНЦИИ КРУТИХА

Боевые действия на участке от Екатеринбурга до Егоршино проходили в полосе длинной в сто верст и шириной в пятнадцать-двадцать верст, осью которой являлась Северо-Восточная железная дорога. Эта железная дорога начала строиться в 1912 и была окончена в 1916 г. Первый пассажирский поезд пришел на станцию Тавда 10 января 1917 г. Дорога соединила промышленный Урал с угольными месторождениями Егоршино, торговым Ирбитом и лесным Зауральем. В Егоршино Северо-Восточная железная дорога пересекалась с железнодорожным путем, идущим от Нижнего Тагила через Алапаевск на Богданович.

Северо-Восточная железная дорога шла от Екатеринбурга в общем направлении на северо-восток по лесистой равнинной местности. Выходивший со станции Екатеринбург-III железнодорожный путь оставлял вправо от себя озеро Шарташ с лежащим на его северном берегу старинным староверческим селом того же названия. В десяти верстах от Шарташа находился знаменитый своими золотыми приисками Березовский завод, а еще в десяти верстах далее на восток располагался Пышминский завод. Весь этот район до станции Монетная был заселен довольно плотно. Войскам здесь были обеспечены ночлеги, продовольствие и достаточно дорог для маневра.

Направляясь далее на северо-восток от станции Монетная, железнодорожный путь шел верст сорок пять до станции Реж по лесисто-болотистой и малонаселенной местности, оставляя вправо от себя изумрудные копи и асбестовые прииски. Передвижение войск в этом районе было затруднено. Центром этого лесного массива была станция Крутиха.

Начиная от станции Реж, железная дорога поворачивала на восток, оставляя слева от себя Режевской чугуноплавильный и железоделательный завод. Начинался Ирбитский уезд. Оставив справа большое старинное село Покровское, дорога на сотой версте подходила к станции Егоршино. Местность в полосе от Режевского завода и до Егоршино была хорошо освоена и обжита, давая этим несомненные удобства действовавшим здесь войскам.

Посеявшие зерна побед

25 июля 1918 г. по Северо-Восточной железной дороге в направлении на Егоршино отходили разрозненные остатки красных войск и штабов бывшего Екатеринбург-Челябинского направления. Среди отходивших царила паника. Красноармейцы бросали винтовки, патроны и отказывались выполнять приказы. Вечером этого дня бойцы 5-го Волынского батальона не встали в сторожевое охранение, ссылаясь на усталость. Делать это пришлось личному составу штаба направления и его конвою. Еще проезжая через Екатеринбург, многие красноармейцы попросту разбежались, а командиры 2-го Уральского стрелкового полка из Монетной ушли к чехам. В распоряжении штаба осталось менее трехсот штыков, и коллеги, подшучивая над военным руководителем направления Р.П.Вайняном, называли его «генералом без армии».

Чехи их не преследовали, ограничиваясь только прикрытием Екатеринбурга с северо-востока. Сначала в прикрытии был один взвод 1-й роты 3-го Яна Жижки полка, стоявший в полевом карауле в трех верстах от станции Екатеринбург-III. 29 июля вперед выдвинулась 5-я рота этого же полка и заняла станцию Монетная. К двум ближайшим деревням чехи выслали разведку. О неприятеле ничего не было слышно. Вскоре 5-я рота была сменена чешскими курганскими ротами.

Противостоящие им красные войска концентрировались в эти дни в районе Режевского завода и на станции Егоршино, это была 2-я бригада И.А.Чернобородова (1-й Горный полк С.А.Ходова, отряд П.Д.Хохрякова, батальон Алапаевского полка и Волынский полк). С юга и с востока Егоршино прикрывала 1-я бригада М.В.Васильева. Обе бригады входили в

состав Восточной дивизии. Основным противником Восточной дивизии была белая 1-я Степная Сибирская стрелковая дивизия генерал-майора Г.А.Вержбицкого, наступавшая от Камышлова и имевшая задачей захват Егоршино. Для поддержки сибирских стрелков чехи предполагали наступать вдоль Северо-Восточной железной дороги, для чего предназначались 2 и 4-я роты Курганского батальона поручика С.Пейржила, усиленные артиллерийской батареей поручика Крейчиржика и бронепоездом подпоручика В.Лужи.

5 августа чешские разведчики Курганского батальона подошли на несколько верст к станции Крутиха. Через день, утром 7 августа, поручик С.Пейржил донес о занятии станции Крутиха, а его разведчики двинулись дальше. Хотя командующий чешскими войсками в районе Екатеринбурга полковник С.Н.Войцеховский знал о наличии больших сил красных в районе Егоршино, он надеялся силами двух пейржиловых рот переломить обстановку в свою пользу. Сам он с главными силами наступал на Пермь, взятие которой привело бы к разгрому красных войск на Среднем Урале. В ответ красные с 6 августа начали наступление на Екатеринбург. 2-я бригада И.А.Чернобородова должна была наступать на столицу Урала вдоль Северо-Восточной дороги.

7 августа штаб екатеринбургского гарнизона получил сообщение со станции Баженово о появлении в районе асбестовых приисков значительных красных сил. Из Екатеринбурга был немедленно выслан передовой офицерский отряд в тридцать человек во главе со штабс-капитаном Н.В.Башкевичем. Следом к отправлению готовился отряд в 145 штыков и 93 сабли под руководством командира 5-го Екатеринбургского полка горных стрелков полковника С.М.Торейкина. Прибывший в этот же день на прииски отряд штабс-капитана Н.В.Башкевича столкнулся с красными. В скоротечном бою выяснилось, что большевики имеют около трехсот человек, и, забрав смертельно раненого прапорщика К.Э.Вырыпаева, офицеры отошли в сторону Баженово, послав донесение в Екатеринбург. В ночь на 8 августа на станцию Баженово прибыл полковник С.М.Торейкин и немедленно двинулся к приискам. Опросом местных жителей выяснилось, что красноармейцы после стычки с передовым офицерским отрядом ушли в сторону Режевского

завода. Вечером 8 августа полковник С.М.Торейкин получил приказ о возвращении в Екатеринбург[56].

К северу от Екатеринбурга красные войска очень близко подошли к городу. Там была главная опасность, и были срочно нужны резервы. 8 августа у поручика С.Пейржила была взята 2-я рота и артиллерийская батарея, в связи с чем станцию Крутиху пришлось оставить. На следующий день, 9 августа, поручик С.Пейржил с оставшимися силами был отправлен на станцию Билимбай, которой также угрожали красные войска. Подступы к Екатеринбургу в полосе Северо-Восточной дороги оставались практически неприкрытыми, а 10 августа чешская команда оставила и станцию Монетную. Отряд П.Д.Хохрякова, наступавший в сторону Екатеринбурга, 9 августа занял станцию Крутиху, но застопорился у Монетной. При налете разведчиков П.Д.Хохрякова на Пышминский завод там были освобождены из заключения местные большевики и убиты, по уверениям красноармейцев, священник, штабс-капитан и несколько чехов.

Главные события в эти дни разыгрались в районе севернее Екатеринбурга, где прибывшие с Западно-Уральской дороги чешские войска разбили красных и ликвидировали прямую угрозу городу. Но по-иному развивались события южнее Егоршино. Левая боевая колонна подполковника Д.Н.Панкова была охвачена с флангов и отброшена за реку Пышму. 1-я Степная Сибирская стрелковая дивизия генерал-майора Г.А.Вержбицкого попала в затруднительное положение, и ей надо было оказать немедленную помощь. И хотя победа над красными севернее Екатеринбурга не давала полной гарантии от повторного нападения на город, командующий Северо-Уральским фронтом полковник С.Н.Войцеховский решил прийти на помощь сибирским стрелкам.

Уже 12 августа, в день решающего боя к северу от Екатеринбурга, вернувшийся из Билимбая поручик С.Пейржил начал восстанавливать положение на Северо-Восточной дороге. Он имел в своем распоряжении 4-ю Курганскую роту, 12-ю роту 2-го стрелкового Иржи из Подебрад полка и бронепоезд прапорщика Трчки. 12 августа чехи без боя заняли станции Березит и Монетную. 13 августа красные войска начали наступление на Монетную. Основной бой разгорелся у Кордона и Теплого Ключа и продолжался до темноты. Крас-

ные были отражены и отступили. Получив подкрепление в составе двух рот 1-го Горного полка и трех артиллерийских орудий, отряд П.Д.Хохрякова занял новые позиции на 37-й версте. Чехи расположились на 35-й версте, но на дальнейшее наступление у них недоставало сил. 14 августа поручик С.Пейржил рапортовал, что в его отряде 71 стрелок больной, а 12-я рота, где больных больше всего, нуждается в отдыхе без промедления.

Утром в четверг 15 августа на станцию Монетную прибыл полковник С.Н.Войцеховский с 1-м батальоном и пешей разведкомандой 3-го стрелкового Яна Жижки полка, 3-й ударной ротой и конно-артиллерийской батареей штабс-капитана И.И.Куликовского. Без промедления в обхват была выслана 4-я рота прапорщика Моравека из 1-го батальона с задачей пробраться на 40-ю версту, в тыл красной позиции, повредить железнодорожную колею и преградить отход красному бронепоезду и пехотным ротам. Следом за 4-й ротой для связи с главными силами выдвигалась 2-я рота. Главные силы должны были ударить с фронта после известия, что 4-я рота в тылу у противника.

Красные войска на 37-й версте состояли из части отряда П.Д.Хохрякова и 3-й роты 1-го Горного полка общей численностью около пятисот человек. На станции Крутиха находилась другая часть отряда П.Д.Хохрякова, 4-я рота 1-го Горного полка и штаб отряда. В районе Режевского завода располагались две роты и команды 1-го Горного полка. Ожидалось прибытие Алапаевского рабочего батальона.

Чешский план обхвата прошел на удивление гладко. Едва 4-я чешская рота вышла на 40-ю версту и начала разбирать путь, как со стороны Крутихи раздался свисток локомотива. Мимо затаившихся чехов к позиции проехал большевистский бронепоезд. После его проследования путь был немедленно разобран, и рота заняла боевое положение. Фронтальная чешская группа начала наступление в 6 часов вечера, и через два часа позиции красных были взяты. Большевистская пехота стала спешно отходить, а бронепоезд на полном пару покатил к Крутихе. На 40-й версте он сошел с рельсов и стал объектом обстрела 4-й роты. Вскоре настала полная темнота, и прапорщик Моравек, не желая рисковать своими людьми, не атаковал, но держал бронепоезд в осаде. Когда

рассвело, команда бронепоезда увидела приближавшуюся чешскую цепь. Это подходила 2-я рота. Нервы у команды бронепоезда сдали, и она вывесила белый флаг. Смененная 4-я рота пошла на отдых в Монетную, захватив с собой команду бронепоезда[57].

Красная пехота в большом беспорядке отходила по лесам вдоль железной дороги. С одной из групп беглецов встретился командир батальона 1-го Горного полка С.Г.Пичугов, ехавший на отдельном локомотиве из Крутихи в Монетную в ночь с 15 на 16 августа: *«Начинало темнеть, когда я выехал из Крутихи... Отъехав не больше десяти километров, мы услышали в стороне какие-то крики и стрельбу, но не придали им значения и продолжали ехать дальше. Через некоторое время снова услышали крики и стрельбу в стороне. Я приказал машинисту остановиться. Скоро к паровозу подбежало несколько человек с винтовками, оказавшихся ранеными красноармейцами 3-й роты* (1-го Горного полка. – А.К.) *Они бессвязно рассказали, что рота и блиндированный поезд окружены белыми, путь разобран и им с трудом удалось выбраться. Тревога охватила меня за 3-ю роту, но у меня с собой пять бойцов и медсестра, что я смогу? Посадил раненых в тендер и обратно на Крутиху»*[58].

С утра 16 августа чехи вели разведку и ремонтировали путь. Наконец после полудня чешские эшелоны во главе со своим бронепоездом двинулись к Крутихе. На 46-й версте красные артиллеристы попали гранатой в паровоз чешского бронепоезда, пробив ему тендер, из которого стала вытекать вода. Бронепоезд отошел на несколько сот шагов назад для ремонта паровоза, пехота заняла оборону, казаки встали в дозор. Наступившая ночь прошла тихо.

Ночью полковник С.Н.Войцеховский отдал приказ на дальнейшее наступление: *«Утром в 7 часов выступить 2 и 3-й ротам, пешей разведкоманде и двум орудиям штабс-капитана Куликовского и без потерь занять станцию Крутиху. Слева от железной дороги наступать 2-й роте, справа – 3-й роте. Впереди следовать пешему разведдозору, которому при соприкосновении с противником в бой не вступать. Каждой роте иметь двух всадников и пять пулеметов. Как только наступающая цепь наткнется на неприятеля, ложиться и открывать огонь из всех винтовок и пулеметов.*

Огонь вести пять минут. Затем цепь должна быстро перебежать вперед и вновь открыть огонь»[59]. Это напоминало приказ на учение со стрельбой боевыми патронами.

Полковник С.Н. Войцеховский не ошибся и верно учел моральное состояние красных войск. Огонь и порыв чехов так повлияли на красноармейцев, что первые два ряда окопов были заняты почти без боя. Только на третьей линии развернулась короткая борьба, но вскоре большевистская цепь побежала к Крутихе. Это побежал Алапаевский рабочий батальон, только что утром 17 августа прибывший на усиление. Руководивший боем на подступах к Крутихе П.Д.Хохряков ринулся беглецам наперерез, надеясь их остановить. *«Поднявшись на насыпь железнодорожного полотна, размахивая маузером, он зычно закричал алапаевцам «вперед!», пересыпая свои приказания крепкими матросскими выражениями. Вдруг Хохряков как-то неловко и резко повернулся и, хватая ртом воздух, упал на линию между рельсов. Я понял,* – вспоминал С.Г.Пичугов, – *что он ранен, и, громко крикнув по цепи «санитара!», пополз к Хохрякову. Хохряков лежал вниз лицом, раскинув руки. Я начал его осторожно переворачивать, чтобы стащить с насыпи. Хохряков открыл на миг глаза, вопросительно посмотрел на меня, попытался что-то сказать, но не мог. Он с трудом выдохнул одно слово – «не надо». Взор его помутился»*[60].

Подобрав тело командира, бойцы отряда П.Д.Хохрякова покинули позиции, одновременно с ними ушел и Алапаевский рабочий батальон. Последними отступили бойцы 4-й роты 1-го Горного полка. Чехи вступили на станцию. Была суббота 17 августа 2 часа 45 минут пополудни. Полковник С.Н.Войцеховский доносил в Челябинск, в штаб корпуса, что после небольшого боя была взята станция Крутиха, на которой были захвачены пулемет и двенадцать ящиков артиллерийских припасов. Потери чехов были минимальны – всего пять раненых.

На следующий день передовые части чехов дошли до 60-й версты. Занятие Крутихи вынудило командование красной Восточной дивизии немедленно двинуть к Режевскому заводу значительные силы – бронепоезд, артиллерию и вновь пополненный Волынский полк. Быстро проведенный чешский маневр сразу же принес значительное облегчение на фронте 1-й

Степной Сибирской стрелковой дивизии. Колонна полковника И.С. Смолина выдвинулась к станции Антрацит.

Чтобы окончательно сбить красные войска с тех позиций, откуда они могли угрожать Екатеринбургу, полковник С.Н.Войцеховский перенес усилия на Горнозаводскую железную дорогу. Вечером 18 августа он убыл в Екатеринбург вместе с 1-м батальоном, разведчиками и конно-артиллерийской батареей. На следующий день Крутиху покинула 3-я ударная рота. Оставшись с одной своей 4-й ротой, поручик С.Пейржил почел за благо оставить 19 августа станцию Крутиху и отойти на позиции у Теплого Ключа. Большевистское командование, думая, что это новый хитрый маневр, держалось пассивно. Русские добровольческие роты из 7-й Уральской дивизии горных стрелков без помех приняли от чехов фронт и снова стали хозяевами этой важной станции.

Флаг трехцветный развернулся снова

19 августа полковник С.Н.Войцеховский приказал отправить на Северо-Восточную дорогу добровольческие роты горных стрелков. Возглавить Сводный русско-чешский отряд было поручено командиру 27-го Камышловского полка полковнику М.С.Тарасевичу с задачей принять фронт и наступать на станцию Крутиха. Рано утром 21 августа горные стрелки прибыли на станцию Монетную. После полудня Сводный русско-чешский отряд двинулся в наступление. В голове, за разведдозором, шла открытая платформа с орудием и бронированный вагон с четырьмя пулеметами. Следом шел эшелон с 4-й Курганской ротой, бомбометчиками и пулеметчиками. В непосредственной близости за ними двигался рабочий поезд с инструментом и запасом материалов для ремонта пути. В полуверсте за рабочим ехал третий эшелон. В полутора верстах далее шел четвертый эшелон с тремя офицерскими ротами и 3-й ротой 2-го чешского полка. Еще в одной версте за ним шел пятый эшелон с тремя орудиями поручика Крейчиржика. По сторонам третьего эшелона в конном строю двигались две казачьи сотни. Движение всей колонны обеспечивалось высылкой разведок[61].

Не встречая сопротивления и задерживаясь только для исправления пути, отряд полковника М.С.Тарасевича в 23

часа в этот же день занял станцию Крутиху, захватив там тридцать два вагона. Рабочий поезд развернул ремонт стрелок и наладил связь со станцией Монетная. Ранним утром 22 августа на станцию Монетная прибыл с 4-й офицерской ротой командир 26-го Шадринского полка горных стрелков полковник А.Е.Иванов. Переговорив с Крутихой по телефону, он принял командование от полковника М.С.Тарасевича и отправился в Крутиху. 23 августа разведка Сводного отряда на 58-й версте была обстреляна красноармейцами. Было выяснено, что оборонительные позиции занимал красный Волынский полк под командованием А.И.Федоровского в составе 1155 человек, в том числе 948 штыков, пятнадцать пулеметов и два орудия[62]. Полковник А.Е.Иванов вперед двинул бронепоезд, а в обхват направил две офицерские роты. Выйдя к 58-й версте, горные стрелки обнаружили, что противник отступил на 61-ю версту. Подойдя к новой позиции, роты начали перестрелку, и красные опять отступили. 24 августа наступление вдоль железной дороги продолжалось.

Участник тех событий, офицер-екатеринбуржец, вспоминал, что двигались очень медленно из-за многочисленных повреждений на дороге: *«В вагоне жарко, накурено. Погода стоит великолепная. Солнечные лучи стремятся проникнуть сквозь густую завесу свежесрубленных берез, которыми мы забаррикадировали наш вагон, ища спасения от жары. В природе дремотная тишина, изредка нарушаемая долетающими издалека звуками ударов молота о железнодорожные шпалы.*

Приходит кондуктор головного состава, оказывается, поезд пойдет не раньше, чем через час. Выхожу из вагона и медленно иду к головному эшелону, где находится вагон начальника отряда полковника И. Идти далеко: длинной вереницей с небольшими промежутками растянулись по железной дороге пять эшелонов нашего отряда. Везде тихо, многие отдыхают, иные ушли в лес, растянувшийся по обеим сторонам. И только через раскрытые двери долетают звуки народной частушки.

Здесь располагается добровольческая рота. Загорелые, веселые лица, молодой солдат пляшет под гармонь.

Около вагона начальника отряда человек двадцать окружили старую плачущую женщину. «Бог накажет того, кто

это сделал», – говорит старуха и поднимает образ Св. Николая Чудотворца... В трех местах лик Святителя пробит штыком»[63].

25 августа горные стрелки подошли к 73-й версте, где за рекой Быстрой занимали оборону красные. 3-я чешская рота совместно с 3-й офицерской ротой пошла в обхват левого крыла красной позиции. 4-я офицерская рота с казачьей сотней отправились в дальний обход к станции Реж, имея задачей разобрать железнодорожный путь и преградить отход красным. Правый фланг большевистской позиции должны были атаковать 3 и 4-я сводные роты. Наступление было начато 27 августа. Красные попали под короткий удар во фланг и бросились бежать, оставив в руках у чехов два пулемета Максим и один Гочкиса, винтовки и амуницию. Обходящей группой у станции Реж были взяты пленные. После боя роты Волынского полка отошли на 75-ю версту.

28 августа Сводный отряд отдыхал. Пришел приказ об отправлении в Екатеринбург бронепоезда и чешских рот, а для их замены высылались сводная рота 28-го Ирбитского полка и конный дивизион. Оставшись без чехов, горные стрелки занервничали. Настроение бойцов упало, и полковник А.Е.Иванов начал отводить Сводный отряд назад к Крутихе. Красные выдвинулись на 65-ю версту и стали проявлять небывалую до сего времени активность. На 45-й версте в тылу у горных стрелков дважды разрушался путь и прерывалась связь. 31 августа пришло распоряжение полковника С.Н.Войцеховского воздержаться от наступления и сохранять занимаемые позиции. Сводный отряд расположился к северо-востоку от Крутихи, в сторожевое охранение встала 3-я офицерская рота. Подступы к станции прикрывала чешская бомбометная команда в тридцать пять человек, стрелки конного дивизиона и 2-я офицерская рота при десяти пулеметах. Артиллерия встала на 58-й версте. В резерве оставались три сводные роты, но они были плохо обучены и непригодны к бою. Горные стрелки чувствовали себя неуверенно, тем более что они уступали красным в численности и вооружении.

3 сентября командиром Сводного отряда был назначен командир 28-го Ирбитского полка горных стрелков полковник С.А.Кононов. В строю отряда насчитывалось 611 шты-

ков, 63 сабли, три артиллерийских орудия, девять пулеметов и два бомбомета.

4 сентября красные войска атаковали Сводный отряд и прорвались к станции Крутиха. Полковник С.А.Кононов доносил, что ружейным и пулеметным огнем красноармейцы были отражены, но из-за малого упорства и плохой выучки добровольцы стали отступать. На станции был убит комендант вновь формируемого бронепоезда подпоручик Бугров. На следующий день бои шли западнее железной дороги у кордона на речке Мостовке и даже за Крутихой. Под впечатлением неудачи полковник С.А.Кононов послал донесение полковнику С.Н.Войцеховскому с просьбой о присылке чешского батальона. На помощь горным стрелкам были высланы 5 и 7-я чешские роты 2-го батальона 3-го Яна Жижки полка под руководством батальонного командира капитана М.Немеца. 6 сентября чехи прибыли на станцию Крутиха.

Что, товарищ, там тебе защищать?

Стоило только появиться чехам, и ситуация под Крутихой изменилась, как по мановению волшебной палочки. У горных стрелков наблюдался явный подъем духа. Началась активная разведка и подготовка к наступлению. Противостоящий Сводному отряду красный Волынский полк состоял в основном (семь рот из десяти) из мобилизованных рабочих Режевского завода и крестьян села Покровского и имел 1642 человека, в том числе 1056 штыков, 22 сабли, 18 пулеметов и два орудия[64]. Наступавшая пора уборки хлебов и отвергавшиеся просьбы об отпуске подтолкнули мобилизованных на конфликт с красным командованием. Началось открытое возмущение, переросшее в восстание. В своей книге «Дорогами к свободе» генерал М.Немец вспоминал, как разведчики привели к нему взводного командира и рядового красноармейца, уполномоченных вступить в переговоры с чехами. Посланцы заявили, что их полк укомплектован мобилизованными, они – не большевики и хотят сдаться, когда начнется чешское наступление. *«Это можно сделать и без наступления,* – сказал М.Немец, – *сдадитесь без боя и отдадите нам свое оружие – пойдете домой!»*[65]

8 сентября Волынский полк выступил. Китайцев-интернационалистов, которым не доверяли, закрыли в вагонах, где они спали. Оружие и амуницию собрали в один вагон и пошли сдаваться. Опять предоставим слово генералу М.Немецу: *«Это была удивительная картина. Впереди шли китайцы, привязанные друг к другу за косы, за ними в колонне по четыре шли почти 600 безоружных красноармейцев. Почти сразу же подъехали два бронепоезда без пулеметов и, наконец, два пустых эшелона, только один вагон был наполнен оружием и военным материалом. Сообщите вашим людям, – сказал я взводному, – что они свободны и могут отправляться к своим семьям. Прогремело могучее «Ура!»*[66]

9 сентября в штаб белого Северо-Уральского фронта с утра стали приходить одно за другим удивительные известия.

8 часов: *«Отряд красноармейцев Волынского полка сложил оружие и выдал бронепоезд. Китайская рота разоружена, все пулеметы выданы. Их число подсчитывается. Они* (часть бывших красноармейцев Волынского полка, решившие присоединиться к белым. – А.К.) *наступают на Реж... Ожидаю решения. Полковник Кононов.*

13 часов: *Всего красноармейцы сдали нам один бронепоезд с 12 пулеметами и 3 орудиями, один эшелон припасов с локомотивом, один санитарный эшелон тоже с локомотивом; роты передали 9 пулеметов, из них 2 Кольта с запасными частями для пулеметов, 600 винтовок, 30 тысяч патронов, два ящика шрапнелей и гранат. Всего сдались 541 красноармеец и 79 китайцев.*

15 часов: *Из сдавшихся красноармейцев две роты «фронтовиков» ведут наступление на Реж, опасаясь за свои семьи. Скорее всего, Реж будет ими взят. Я на 62-й версте, где мы окопались и поставили полевую стражу. Полковник Кононов.*

19 часов 40 минут: *Мои позиции на 62-й версте. Завод и станция Реж взяты двумя ротами фронтовиков из сдавшихся красноармейцев. Наша конная разведка и броневик добрались до станции Реж. Со станции ушел один эшелон с 70 красноармейцами-кавалеристами из петроградцев и из мадьяр. Есть сведения, что этот эшелон сошел с рельс у села Покровское»*[67].

9 сентября 5 и 7-я чешские роты, бомбометчики и пулеметчики во главе с капитаном М.Немецем отправились на Лысьвенский фронт. С этого времени Егоршинский участок занимали только белые русские войска. Неожиданная развязка ситуации на Северо-Восточной железной дороге привела к отходу красных на фронте 1-й Степной Сибирской дивизии. Полковник К.С.Киселев вернул деревни Осинцево, Неустроевку и Антоновское, а полковник И.С.Смолин занял село Таушканское и станцию Антрацит. Успехи полковника И.С.Смолина были напрямую связаны с резким ослаблением красных сил на его участке. Сдавшийся Волынский полк открыл направление на Егоршино и для восстановления фронта в ночь с 9 на 10 сентября с позиций у станции Антрацит был снят самый боеспособный полк – 1-й Крестьянский коммунистический. В сторону села Покровское выехал с командой охраны штаба комбриг М.В.Васильев. Заслон стал останавливать остатки волынцев и направлять их в подходившие роты 1-го Крестьянского коммунистического полка.

12 сентября части Сводного отряда полковника С.А.Кононова стали выходить к селу Покровское. Но предстояла еще отчаянная борьба с многочисленной 1-й бригадой М.В.Васильева и резервами дивизии. Севернее Режевского завода фронт прикрывала рота Алапаевского полка. Вдоль железной дороги Егоршино—Реж наступал 2-й батальон 1-го Крестьянского коммунистического полка при поддержке бронепоезда. 3-й батальон полка пошел в глубокий обход на Режевской завод. Столкнувшись с наступающими от Режа горными стрелками, 2-й батальон стал отходить на восток. Тем временем 3-й батальон в глубокой тайне, обойдя фронт с севера, вышел к Режевскому заводу и захватил его. Но на следующий день 3-й батальон со всей поспешностью был брошен на восток к селу Покровское.

Это большое, протяжением почти десять верст, богатое село было охвачено крестьянским восстанием, где решающую роль играли бывшие красноармейцы Волынского полка. Восстание было подавлено частями красной 1-й бригады М.В.Васильева. С запада на село наступали 2 и 3-й батальоны 1-го Крестьянского полка, а с востока подошел Путиловский стальной кавалерийский дивизион и бронепоезд. Село было охва-

чено полукольцом, подверглось артиллерийскому огню и взято конной атакой. Командир 2-го батальона краском И.А.Ослоповский вспоминал, как, выйдя со своими ротами на опушку леса, он увидел следующую картину: *«...село Покровское пылало в огне, страшные, черно-седые клубы дыма тянулись высоко к горизонту. Броневик подъехал к опушке леса в нашу сторону, на передней его площадке развевался небольшой красный флажок: броневик был наш. Подойдя к броневику, мы узнали военкома т. Юдина, который передал, что комполка т. Акулов с полковой конной разведкой ворвался в село Покровское, выбил противника и, потому что ему оказывали на каждом переулке сопротивление местные жители, потому что село Покровское мобилизовалось и ушло к белым, зажег все село часа два назад»*[68].

11-12 сентября у села Покровское и 13-14 сентября у Ирбитского завода красные войска 1-й бригады М.В.Васильева отразили натиск белых добровольцев и достигли бесспорного успеха, особенно у Ирбитского завода. Но это был последний успех большевиков под Егоршино. Фронт на некоторое время затих, но через несколько дней сражение на крыльях егоршинско-алапаевского фронта продолжилось. Первым успеха добился штабс-капитан Н.Н.Казагранди со своим 16-м Ишимским Сибирским стрелковым полком на реке Реж к востоку от Алапаевска.

На Северо-Восточной железной дороге командование Сводным отрядом горных стрелков принял начальник оперативного отдела штаба 7-й Уральской дивизии горных стрелков подполковник Э.Я.Рютель. Усиленный добровольцами из Режевского завода и села Покровское отряд насчитывал 1017 штыков, 79 сабель, 22 пулемета и пять орудий. Сначала, 17 сентября, за село Покровское завязалось артиллерийское сражение, которое вела с красными Уральская отдельная артиллерийская батарея штабс-капитана Лоренца. Тем временем подполковник Э.Я.Рютель предпринял маневр обхода. Отряд капитана М.А.Демишхана занял село Диевское и стал угрожать станции Самоцвет, расположенной на дороге Алапаевск-Егоршино. Но главная опасность для красных была не здесь. В это время группа чешских войск полковника С.Н.Войцеховского прорвалась к Нижнему Тагилу и могла отрезать всю 1-ю Уральскую дивизию.

Командованием 3-й красной армии было решено немедленно перебросить часть сил 1-й Уральской дивизии из Егоршино и Ирбитского завода на удержание Нижнего Тагила, а остальные силы отводить следом. Оставление Егоршино стало неизбежным. 21 сентября 1918 г. на станцию вступили части сибирских стрелков полковника И.С.Смолина.

СРАЖЕНИЕ ЗА АЛАПАЕВСК

Лежащий в Зауралье город Алапаевск был главным в округе Алапаевских горных заводов. Кроме него к округу принадлежали Нейво-Шайтанский, Верхнесинячихинский и Ирбитский заводы, леса и рудники, а также несколько упраздненных заводов – Верхнеалапаевский, Нижнесинячихинский и Нижнесусанский. Через Алапаевск проходила железная дорога Нижний Тагил – Егоршино и тракт на Верхотурье. Численность населения Алапаевска в начале XX века составляла примерно шестнадцать тысяч человек – почти исключительно служащая заводская интеллигенция и рабочие.

Еще с революционных событий 1905—07 гг. за Алапаевском установилась репутация большевистского центра, и в 1918 г. он был надежной опорой советской власти в Зауралье. Именно в Алапаевск были отправлены из Екатеринбурга великие князья: Уралоблсовет знал, что оттуда живыми их не выпустят. В боях в Зауралье полки красной 1-й Уральской (бывшей Восточной) стрелковой дивизии в значительной мере пополнялись добровольцами – рабочими Алапаевского округа и крепко удерживали фронт. С начала августа и до середины сентября 1918 г. красные полки, сражавшиеся в районе Егоршино—Алапаевск, заставляли своего противника считаться с собой.

Но в сентябре ситуация стала меняться. Боевой дух рабочих, сначала бодрый и воинственный, постепенно стал падать из-за неудач и больших потерь. Особенно угнетающе подействовал на алапаевцев разгром батальона И.Ф.-Кушникова в сражении под Верх-Нейвинским заводом 24-26 августа. Уцелевшие от этого разгрома красноармейцы

разнесли весть о поражении. Слухи, один страшнее другого, широкой волной пошли по заводам. Как полагается, силы, боеспособность и жестокость противника преувеличивались. Былое самохвальство и уверенность в скорой и легкой победе над «белыми бандами» сменились осторожностью и нежеланием подставлять свою голову под пули. Обстановка на всем зауральском фронте стала складываться далеко не в пользу красных войск, и вот, в конце сентября, они покатились...

Отход от Егоршино

17 сентября тяжелый удар по красным войскам в Зауралье нанес 16-й Ишимский Сибирский полк штабс-капитана Н.Н.Казагранди. Начальник штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии подполковник А.Я.Крузе доносил командующему Северо-Уральским фронтом полковнику С.Н.Войцеховскому: *«16-й Сибирский стрелковый полк после упорного боя, который длился 28 часов, разбил красных наголову и занял деревни Федосово и Молеково, которые лежат на реке Реж в 28 верстах на восток от Алапаевска. Неприятель в панике уходит к Монастырскому. Трофеи: два трехдюймовых орудия, 137 ящиков боеприпасов, три пулемета, 30 тысяч патронов, обоз и 30 коней. Взято в плен 50 человек с сестрами и санитарами. Убито и ранено красных до двухсот человек»*[69]. На следующий день, 18 сентября, успех был развит, и за рекой Реж заняты деревни Ключи и Якменево.

Затем последовал удар на противоположном фланге. Принявший 17 сентября командование над Сводным отрядом 7-й Уральской дивизии горных стрелков подполковник Э.Я. Рютель провел маневр по левому берегу реки Реж от Режевского завода в сторону села Деево. Этот маневр угрожал станции Самоцвет, причем левый фланг и тыл отряда Э.Я.Рютеля прикрыли восставшие крестьяне села Леневское и окрестных деревень. Против восставших крестьян большевистское командование отправило карательный отряд из китайских интернационалистов. 18 сентября перед деревней Арамашковское отряд местных фронтовиков, усиленный командой кавалеристов из конного дивизиона 7-й Уральской

дивизии под командой старшего унтер-офицера Деткова, отразил наступление красных карателей. Не добившись успеха, китайцы отступили в село Деево. Детков с кавалеристами и фронтовиками, обойдя село с фланга, атаковал красных и наголову разбил карателей. В плен были захвачены почти сотня интернационалистов и взят пулемет[70]. На следующий день, 19 сентября, другая группа кавалеристов под руководством старшего унтер-офицера Соловьева также с помощью местных фронтовиков заняла Нейво-Шайтанский завод. 20 сентября красные отбили завод, но, получив подкрепление, повстанцы вновь заняли его. К 22 сентября боевые столкновения переместились к деревне Кривки[71].

Таким образом, развернувшееся сражение приняло характер битвы на флангах, что грозило окружением 1-й бригаде М.В.Васильева, удерживающей Егоршино. Так как 19-21 сентября 1-й Камышловский и 4-й Уральский полки убыли в район Нижнего Тагила на помощь 2-й Уральской стрелковой дивизии, силы 1-й бригады резко уменьшились, прикрыть фланги было нечем, и отход красных к Алапаевску стал неизбежен.

20 сентября белые начали общее наступление. Первым был занят Ирбитский завод, столь памятный тяжелыми боями, а 21 сентября – Егоршино. Красные отходили на север. По железной дороге шли эшелоны с имуществом советских учреждений, с тылами и продовольственными запасами 1-й бригады. Отступление вдоль железной дороги прикрывали 1-й и 3-й батальоны 1-го Крестьянского Коммунистического полка, 2-й батальон прикрывал левый фланг, двигаясь на село Коптелово. Командир 2-го батальона И.А.Ослоповский вспоминал, что они без помех достигли рубежа реки Реж. *«Наши советские учреждения эвакуировались, и местные партизанские отряды из коммунистов вливались в батальон. Эти отряды несмотря на их ценность как знатоков местных условий и дорог были тяжелым бременем для нас, безусловно нарушали правильное выполнение боевых задач вследствие своей дезорганизованности, отсутствия твердого руководства и т.д.»*[72]

Опаснее всего для красного зауральского фронта были действия колонны штабс-капитана Н.Н.Казагранди, который вышел в окрестности Алапаевска. Начиная описание борьбы

в Зауралье, мы оставили Н.Н.Казагранди после освобождения Ирбита. *«Обладая большим здравым умом, храбростью и практичностью, он быстро приобрел симпатии у населения, и успешно разбивая высылаемые против него красные отряды, развивал свое наступление вдоль по Верхотурскому тракту, с каждым днем все глубже и глубже внедряясь в тыл красных»*[73]. Видя угрозу своему тылу, красное командование выслало навстречу Н.Н.Казагранди два сильных добровольческих отряда: 2 августа – отряд Г.В.Глухих в четыреста шестьдесят человек вдоль левого берега реки Реж через Ялунино, Ярославское, Невьянское на Голубково и 5 августа – отряд С.А.Павлова в четыреста человек вдоль реки Нейва через Останино, Монастырское на Голубково, где отряды объединились. Взяв село Голубково, алапаевские добровольцы двинулись на Ницинское.

Штабс-капитан Н.Н.Казагранди видел, что с теми незначительными силами, которые находились в его распоряжении, было немыслимо разбить красных и прорваться к Алапаевску. Он послал просьбу о подкреплении командиру 4-й Сибирской стрелковой дивизии генералу Г.А.Вержбицкому и обратился к местным ресурсам. В селах и деревнях он созывал крестьянские сходы и, обращаясь к крестьянам, спрашивал, желают ли они жить под большевиками, или хотят самостоятельно строить свою жизнь? Ведь сибирские войска борются за порядок и свободу, но враг силен, и без содействия населения бороться с ним невозможно. Слава Н.Н.Казагранди – лихого, дельного и заботливого начальника – бежала перед ним. Зауральское крестьянство с сочувствием относилось к сибирским стрелкам, и силы белых быстро росли. Все ближайшие помощники командира: капитан Цветков, капитан Ушаков, штабс-капитан А.И.Метелев – были людьми дельными и храбрыми. В начале сентября отряд Н.Н.Казагранди оттеснил красных и отбил село Голубково. После прибытия на помощь Шадринского отряда капитана А.А.Куренкова войска штабс-капитана Н.Н.Казагранди получили название Северной колонны и стали насчитывать около восьмисот бойцов.

Очень жаль, что командование 4-й Степной Сибирской дивизии и Сибирской армии не осознало важность и перспективность направления, на котором действовал штабс-ка-

питан Н.Н.Казагранди. Надо было лишь связать боем красных на егоршинском направлении, а все резервы бросить вдоль рек Ница и Нейва в направлении на Алапаевск. Этот удар выводил бы сибирских стрелков в тыл красных войск, оборонявших Егоршинский узел, и принудил бы их вести бои с перевернутым фронтом. Очищение зауральских уездов было бы достигнуто быстрее и гораздо меньшей кровью.

Бои на подступах к Алапаевску

24 сентября части красной 1-й Уральской стрелковой дивизии располагались по линии, протянувшейся от Нейво-Шайтанского завода через деревню Мелкозерово на 24-ю версту на железной дороге Алапаевск-Егоршино. Далее фронт проходил по левому берегу реки Реж до деревни Ялунино. С востока Алапаевск прикрывал большой лесисто-болотистый массив, который контролировался только разъездами и патрулями. С севера фронт проходил от Верхнесинячихинского завода до деревни Ямово. Тыл алапаевской группы обеспечивал отряд интернационалистов, занимавший станцию Ясашная. Командование 1-й Уральской дивизии и советские органы эвакуировались. Штаб 1-й Уральской дивизии 23 сентября прибыл на станцию Гороблагодатская, оказавшись в глубоком тылу, и фактически утратил оперативную связь со своими войсками. Руководство войсками перешло к штабу 1-й бригады и комбригу М.В.Васильеву, расположившемуся на станции Алапаевск. С севера и северо-востока город прикрывали 3-й батальон 1-го Крестьянского Коммунистического полка и остатки рабочих отрядов. Остальные силы 1-го полка удерживали фронт по реке Реж и вдоль железной дороги при поддержке артиллерии и бронепоездов. Правый фланг занимали 1-й Горный советский полк и Китайский батальон. В резерве находились Петроградский батальон, Путиловский кавалерийский дивизион и местные формирования.

Белые надвигались на Алапаевск тремя колоннами:

1. Северная колонна штабс-капитана Н.Н.Казагранди наступала через Нижнесинячихинский завод. В состав колонны входили 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк

(бывший Партизанский офицерский отряд Н.Н.Казагранди) и 19-й Петропавловский Сибирский стрелковый полк (бывший Шадринский добровольческий отряд А.А.Куренкова).

2. Средняя колонна наступала из села Лебедкино на Ялунино. В состав колонны входили 18-й Тобольский и 20-й Тюменский Сибирские стрелковые полки с казачьей конницей и артбатареей капитана Аракина. Колонну вел командир 20-го Тюменского полка полковник Черкасов, так как полковник К.С.Киселев находился в это время в командировке.

3. Левая колонна полковника И.С.Смолина в составе 13-го Омского, 14-го Иртышского и 15-го Курганского Сибирских стрелковых полков с казачьей конницей и артиллерией наступала вдоль железной дороги от Егоршино[74]. Несмотря на громкие наименования белых полков, их численный состав был довольно скромным и не превышал 400-600 бойцов. (Для сравнения – 1-й Крестьянский Коммунистический полк во время боев за Алапаевск насчитывал около 1100 бойцов).

Западнее сибирских стрелков на Нейво-Шайтанский завод наступали части Сводного отряда подполковника Э.Я. Рютеля. Состав Сводного отряда после взятия Егоршино был изменен. Роты 26, 27 и 28-го полков были отозваны в Екатеринбург для продолжения формирования своих полков, а основу пехоты составил отряд капитана М.А.Демишхана, сформированный из бывших красноармейцев Волынского полка – жителей Режевского завода и села Покровское. Кавалерию составляли части Конного дивизиона под командованием корнетов Кавказова и Григорьева[75].

25 сентября бои развернулись у Нижней Синячихи, Мелкозерово и Коптелово, первые атаки белых были отражены. У Нижней Синячихи красные отбили пятнадцать повозок с оружием. Этот эпизод с повозками заслуживает отдельного рассказа. Несколькими днями ранее, когда село Останино было занято силами Н.Н.Казагранди, Алапаевский совдеп потребовал от рабочих Верхнесинячихинского завода срочно сформировать отряд добровольцев для защиты города. С этой целью из Алапаевска прибыл комиссар Голубев, собравший митинг и призывавший на нем всех встать на защиту революции. Рабочие молчали, а их жены и матери подняли страш-

ный галдеж. «*Ты сперва верни нам наших мужей и сыновей, что ушли сражаться с Дутовым, с белобандитами под Нейвинский завод, а тогда уж мы и наши мужики будем с вами разговаривать*»[76]. Голубев стал угрожать, а в ответ его чуть не стащили с трибуны, и он едва успел ускакать.

На следующий день пришли сразу две вести: первая о том, что в Нижней Синячихе передовой отряд белых, вторая – о движении из Алапаевска карательного отряда. Рабочие послали делегатов к белым с просьбой поторопиться и занять Верхнюю Синячиху. Сами же рабочие, среди которых было много фронтовиков, решили вооружиться, засесть на руднике и не допустить карателей на завод. Собралось около двухсот человек, вооруженных трехлинейками, берданами, охотничьими ружьями, гранатами и т.п. Около полудня прибыл передовой белый отряд в сорок штыков и десяток сабель и был радостно встречен на руднике. Но после того как фронтовики и белые вернулись на завод, офицер, командовавший передовым отрядом, допустил серьезную ошибку. Он предложил всем желающим поступить добровольцами в Сибирскую армию, остальным сдать оружие. Предложение было сразу же выполнено, оружие сдано, а добровольцами вышли двое – гимназисты Ирбитской гимназии. Офицеру надо было поддержать порыв фронтовиков и привлечь их к самообороне, а потом их отряд незаметно для себя влился бы в ряды белых. Но этого, к сожалению, не произошло.

Малочисленность белого отряда, оторванность от своих и приближение превосходящих красных сил заставило начальника белых подумать о скорейшем уходе. Оружие погрузили на подготовленные подводы, и белые покинули Верхнесинячихинский завод, конные впереди, пехота на подводах следом. Развилку тракта южнее завода конные благополучно проскочили, а вот подводы с пехотой были обстреляны сначала ружейным огнем, а затем и артиллерией. Прикрываясь лесом, белые стрелки стали быстро отходить, бросив подводы. Так белые потеряли оружие, которое они «за здорово живешь» забрали у пригласивших их верхнесинячихинцев[77].

Белые отошли через деревню Фомину к селу Останино, где находились главные силы колонны Н.Н.Казагранди. На следующее утро Н.Н.Казагранди выбил красных как из Ниж-

ней Синячихи, так и из деревни Толмачихи (что в шести верстах восточнее Алапаевска). Подводы у белых захватил 3-й батальон 1-го Крестьянского Коммунистического полка, и он же прикрыл Алапаевск с севера. В боях с частями штабс-капитана Н.Н.Казагранди батальон потерял значительное число красноармейцев, в том числе командира 7-й роты Басова и командира батальона В.Д.Жукова. В этих боях, по свидетельству штабс-капитана Н.Н.Казагранди, красные применяли боевые отравляющие вещества:

«В Ирбит, из Монастыря. Наштадиву 4-й Сибирской, Камышлов. Копия начальнику Правой колонны, Килачево. ц 142, секретно, срочно, военная. ...сентября 1918. 7 часов 30 минут. Оперативная к 6 часам.

Опоздали (в) силу порчи телефонной связи. Доношу, что деревня Путилова, что в ...верстах от завода Нижняя Синячиха, занята нами, также деревня Толмачева также занята. В бою под Верхней и Нижней Синячихой красные наступают густыми цепями при поддержке двух пулеметов и трех легких орудий и при двух бомбометах, стрельба велась снарядами (с) удушливыми газами. Также наши потери незначительные.

Штабс-капитан Казагранди»[78].

Тем временем, юго-восточнее Алапаевска белые нажимали у села Коптелово. Командир 2-го батальона 1-го Крестьянского Коммунистического полка И.А.Ослоповский контратакой остановил противника. Белые отошли, но ненадолго. Этой же ночью они взяли село Коптелово. Отход красноармейцев был настолько неорганизован, что они оставили в селе своего командира батальона, и только счастливый случай спас И.А.Ослоповского от гибели или плена. Одновременно части Сводного отряда подполковника Э.Я.Рютеля, поддерживаемые повстанцами, распространялись к северу от Нейво-Шайтанского завода, угрожая самому Алапаевску и железной дороге, идущей к Нижнему Тагилу. Для прикрытия этого направления были выдвинуты батальоны 1-го Горного полка и остатки отряда С.А.Павлова.

27 сентября согласно рапорта полковника И.С.Смолина его колонна к 13 часам заняла позицию на 9 версте к югу от Алапаевска. Поле боя представляло из себя густой, прорезанный лес, что очень затрудняло движение атакующих и

поддержание связи. После упорных атак красные отступили на две с половиной версты и поддержанные бронепоездом заняли оборону на северной окраине обширной поляны и пользуясь сложенными поленицами дров для прикрытия, продолжали оказывать упорное сопротивление. Было решено одновременно с атаками с фронта обходить красных для удара им во фланг и тыл[79].

Медленнее, чем другие выдвигалась Средняя колонна (в нижеприведенной телеграмме она названа Правой) полковника Черкасова. Начальник 4-й Степной Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Г.А.Вержбицкий был вынужден подгонять ее войска: «*Части левой колонны полковника Смолина достигли высоты переправы реки Реж до севернее станции Самоцвет. 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк занял Верхнесинячихинский завод, части же Правой колонны полковника Черкасова задержали выполнение моего приказа (и) были лишь только в это время в деревне Шогринское и деревне Лебедкиной. 19-й полк выступил из села Шогринское не с рассветом, а в 14 часов, благодаря чему между колонной полковника Смолина с 18-м полком образовался разрыв, а 16-й полк не был вовремя усилен предназначенным 19-м полком. Из разговоров по телефону выяснилось, что штаб Правой колонны, в частности адъютант, вовсе не ориентирован обстановке, на вопросы, где ваши части и когда выступили полки, получился ответ не знаю, сейчас справлюсь, разговор потом происходил в 23-м часу, следовательно, с раннего утра до позднего вечера связи между частями и штабом Правой колонны не было, несмотря на подтверждение мною в приказе.*

Все это отношу нераспорядительности и нерадению начальника колонны полковника Черкасова, малоисполнительности адъютанта. Такое упущение при современной боевой обстановке не допускаю, пора забыть личные интересы и удобства и отдаться общему делу.

Адъютанта Правой колонны отрешаю от должности адъютанта и перевожу на службу в ...-й полк младшим офицером. Полковнику Черкасову объявляю строгий выговор. В будущем за подобное упущение предам суду[80].

26 сентября колонна полковника Черкасова вышла в окрестности Алапаевска, впереди шел 20-й Тюменский полк, за

ним, несколько поотстав, 18-й Тобольский. Из хутора Высокое Поле (в десяти верстах от города) тюменцы под руководством помощника командира полка капитана Голохвастова, не ожидая подхода тобольцев, двинулись прямо на Алапаевск. Свое движение без связи с тобольцами капитан Голохвастов объяснил позднее неясностью текста приказа, хотя, может быть, это было от желания первым войти в город и все лавры победы забрать одному себе. Видимо, несмотря на строгий выговор, полковник Черкасов так и не смог наладить твердое руководство войсками своей колонны. Тюменцы вошли в город, но получили столь сильный отпор, что принуждены были искать спасение в бегстве. Около 17 часов этого же дня подполковник А.В.Бордзиловский со своим 18-м Тобольским полком прибыл на хутор Высокое Поле и тут нашел капитана Голохвастова и тюменцев, сильно потрясенных своей неудачей.

Подполковник А.В.Бордзиловский ознакомился с обстановкой. Кругом леса. Противник в десяти верстах и, после того как тюменцы выдали подход колонны, несомненно приготовился к отражению белых. Слева со стороны железной дороги доносилась артиллерийская стрельба: это полковник И.С.Смолин вел бой с красными. В распоряжении А.В.Бордзиловского – до 1300 человек пехоты, две сотни сибирских казаков есаула Дружинина и две батареи. Ночью разъезд от Средней колонны связался с частями штабс-капитана Н.Н.Казагранди, которые готовились с рассветом атаковать город. Подполковник А.В.Бордзиловский решил оставить на хуторе 20-й Тюменский полк (около шестисот бойцов), а со своим 18-м Тобольским и артиллерией перейти вдоль фронта вправо, к деревне Толмачиха, чтобы примкнуть к флангу Северной колонны и совместно с ней наступать на город.

28 сентября около 11 часов А.В.Бордзиловский прибыл в деревню Толмачиха. Батареи встали на позиции и открыли огонь. Пехота пошла к окраинам города, а со стороны Нижней Синячихи наступали части Северной колонны. Бой был жестоким, и в атаке погиб доблестный соратник Н.Н.Казагранди – капитан Цветков, что оказало негативное влияние на белые части Северной колонны. Но несмотря ни на что белые части до темноты заняли окраины города. Поздно ве-

чером, опасаясь обхода своего открытого правого фланга, штабс-капитан Н.Н.Казагранди отвел свои роты с окраины. Предполагалось возобновить штурм города с рассветом 29 сентября.

Занятие города

Хотя первым ударом взять Алапаевск не удалось, но все же натиск белых был так силен и опасен, что красное командование решило оставить город. В оперативной сводке штаба 3-й красной армии об этом было сказано кратко: *«Упорные и ожесточенные бои, продолжавшиеся в течение нескольких дней в районе Алапаевска, окончились не в нашу пользу. Противник принудил нас оставить Алапаевск. Вчера мы с наступлением темноты оставили арену боевых действий Алапаевска и предприняли отход в район станции Ясашная»*[81]. Все эти последние дни жители Алапаевска, спасаясь от войны, прятались в вырытых на огородах блиндажах, погребах и в подпольях, и прятались не только от обстрелов, но и от обысков и реквизиций. Лишиться можно было не только имущества, но и жизни. Помимо арестов и расстрелов накануне своего ухода красные увезли с собой немало заложников, в основном из имущих классов и интеллигенции. Большинство их было убито в Нижней Салде, в том числе настоятель Троицкого собора Алапаевска протоиерей Дмитрий Диев, заведующий хозяйственной частью завода Ф.И.Морозов, священники Верхнесалдинского завода Петр Дьяконов и Алексей Кузнецов, нижнесалдинский дьякон Авраам Комаров, салдинские жители Николай Пятунин, Валентин Чукин и многие другие[82].

Основная часть красных войск отступила из Алапаевска вечером 28 сентября. Фактический начальник штаба 1-го Крестьянского Коммунистического полка И.А.Ослоповский с конными ординарцами и связистами оставил город одним из последних. *«Мы покинули Алапаевск в самую глухую пору ночи, вскоре по дороге наткнулись на обозы, которые с большим трудом продвигались, преодолевая рытвины, ямы и грязь»*[83]. Рано утром 29 сентября отходившие колонны прибыли в деревню Ясашная в девяти верстах от одноименной

станции. Штаб 1-го полка уже проследовал в Нижнюю Салду, оставив И.А. Ослоповскому распоряжение продержаться до вечера, затем отступать, сжигая станции и разъезды. Вечером двинулись в дальнейший путь. 1-й Горный полк отошел к Нижней Салде без помех со стороны противника. С большими трудностями отходили остатки алапаевских рабочих отрядов, отбиваясь от повстанцев.

Тем временем белые разведчики выяснили, что позиции красных пусты. Еще ночью разведка Северной колонны поняла, что части красных, принятые вечером за обходящие войска, в действительности были отступающими. Разведчики сообщили об этом штабс-капитану Н.Н.Казагранди и появились в городе на рассвете 29 сентября. Но командир 18-го Тобольского полка подполковник А.В.Бордзиловский позднее доносил начальнику дивизии, что его части вошли в город первыми, за десять минут до появления чинов Северной колонны. А.В.Бордзиловский занял со штабом дом Казанцева. Штабс-капитан Н.Н.Казагранди, прибыв в город на несколько минут позже А.В.Бордзиловского, остановился в школе, откуда и послал генералу Г.А.Вержбицкому донесение о занятии города. Итак, утром 29 сентября оплот большевизма в Зауралье город Алапаевск был занят, а на следующий день туда подтянулись полки Левой колонны полковника И.С.Смолина.

В результате боев в последней декаде сентября красные войска, оборонявшие Алапаевск, потерпели серьезное поражение и быстро отходили к Нижнему Тагилу. Там их ждали новые испытания. 4 октября чехи и белые взяли Нижний Тагил и станцию Сан-Донато, отрезав тем самым единственную железнодорожную коммуникацию красных, отходящих от Алапаевска. Поражение под Алапаевском и Нижним Тагилом сильно сказалось на красных войсках. Командир батальона, а вскоре командир 1-го Крестьянского Коммунистического полка И.А.Ослоповский вспоминал, что даже самые отборные бойцы-разведчики и те паниковали. Усталые, нервные, они не выдерживали шума ночного осеннего уральского леса... и начинали стрелять. Соседние заставы решали, что подходит противник... и отходили.

МАРШ НА ВЕРХОТУРЬЕ

8 октября 1918 г. по приказу нового командующего Северо-Уральским фронтом генерал-майора Р.Гайды часть сил Западно-Сибирского отряда двинулась к Нижнему Тагилу, чтобы принять от чехов фронт в районе станция Баранчинская – Лайские заводы. Продвижение шло медленно из-за многочисленных разрушений Алапаевской железной дороги отступившими красными, и только 12-16 октября колонна полковника И.С.Смолина заняла указанный район.

Другая часть войск Западно-Сибирского отряда, получившая название Северной колонны, под командованием уже знаменитого штабс-капитана Н.Н.Казагранди еще раньше, в начале октября, двинулась из Алапаевска на Верхотурье. В состав колонны входили 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк штабс-капитана Н.Н.Казагранди и находящийся в процессе формирования 19-й Петропавловский Сибирский стрелковый полк капитана А.А.Куренкова общей численностью 1,5 тысячи штыков, 170 сабель при семнадцати пулеметах и трех орудиях[84]. Основная часть войск штабс-капитана Н.Н.Казагранди действовала вдоль тракта Алапаевск – Верхотурье. Восточнее основных сил, по тракту вдоль реки Туры наступал 2-й батальон 16-го Ишимского полка под командованием штабс-капитана А.И.Метелева.

Красные войска Верхотурского направления под командованием уездного военного комиссара З.М.Ершова превосходили белых по численности, но решительно уступали им в боеспособности. Верхотурская операция вылилась в ряд успешных для белых боевых столкновений вдоль тракта, причем красные войска в значительной мере просто разбежались. 4 октября сибирские стрелки взяли деревню Топорково. В бою у деревни Измоденово был убит уездвоенком З.М.Ершов, и с этого момента и так невысокая боеспособность красных войск резко понизилась[85]. 8 октября о красных, действовавших вдоль реки Туры, штабс-капитан А.И.Метелев доносил: «*Вернулись подводы, которые возили красных от села Отратовского. Крестьяне, ездившие с этими подводами, передают, что красные проехали село Отратовское не останавливаясь. Ночевать с 6 на 7 октября они хотели в селе Дерябенске, откуда предполагают двинуться не*

задерживаясь в Меркушино, где хотят укрепиться, и в Меркушинском, по словам крестьян, красные хотят отправить отряд лесной дорогой за Махневу. Обратить внимание на эту дорогу, более ста человек мобилизованных разбежалось из их отряда, продолжают разбегаться, остаются исключительно только одни добровольцы и матросы, мадьры и латыши, всего около 500 человек при 12 пулеметах. По месту нахождения моих частей по реке Тагилу не имею (данных. – А.К.)

Командир 2-го батальона штабс-капитан Метелев»[86].

10-11 октября полки штабс-капитана Н.Н.Казагранди перешли через реку Тагил у деревни Ковали и оттеснили красных к селу Салдинскому. На следующий день линия фронта откатилась к деревне Торговая Гора, до Верхотурья оставалось двадцать верст. 13 октября Северная колонна взяла город и станцию Верхотурье. Остатки красных войск уходили к станции Корелино.

«Приказ № 1

1. 13 октября 1918 г., войдя в г. Верхотурье, объявляю советскую власть низложенной.

2. Объявляю себя начальником гарнизона г. Верхотурья, комендантом города назначаю корнета Мензелинцева.

3. Объявляю земские, городские и другие учреждения, разогнанные большевиками, восстановленными.

4. Все приказы и декреты советской власти отменяю.

5. Объявляю г. Верхотурье на военном положении...

Командир 16 Ишимского полка штабс-капитан Казагранди»[87]

Одновременно с боями главных сил в районе Егоршино-Алапаевск шли столкновения небольших отрядов вдоль рек Тура и Тавда. Вдоль реки Тавды со стороны белых сначала действовал отряд поручика Кучевского. 27 сентября в Тавду на усиление прибыл отряд ротмистра М.М.Манжетного, который позднее объединил отряды под своим командованием[88]. В начале октября после падения Алапаевска и марша Северной колонны на Верхотурье красные отряды стали быстро уходить вдоль Туры и Тавды на север. В тылу у этих отрядов в районе Сосьвинского завода 30 сентября вспыхну-

ло крестьянское восстание, которое немало помогло очищению северных волостей Верхотурского уезда.

Расположившаяся в районе г. Верхотурья Северная колонна пополнялась местными добровольцами. Население всей округи с большой симпатией относилось к сибирским стрелкам. Жители г. Верхотурья по собственному почину вышили знамя и преподнесли его 19-му Петропавловскому Сибирскому стрелковому полку капитана А.А.Куренкова (бывшему Шадринскому добровольческому отряду). Полк начал с этого времени именоваться 19-м Верхотурским Сибирским стрелковым полком (затем, войдя в 7-ю Сибирскую стрелковую дивизию, – 27-м Верхотурским) и признал город Верхотурье своим шефом[89].

ПАМЯТНЫЙ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Итак, с конца июля по начало октября 1918 г., примерно за восемьдесят дней, в результате боев и походов Степных сибирских полков и чехов от красных были очищены Туринский уезд Тобольской губернии, Камышловский, Ирбитский и значительная часть Верхотурского уездов Пермской губернии, то есть почти все лесное Зауралье. Были взяты города Туринск, Ирбит, Камышлов, Алапаевск и Верхотурье, Режевской, Ирбитский, Нейво-Шайтанский и Верхнесинячихинский заводы, станции Тавда, Богданович и Егоршино. Это был блестящий итог взаимодействия русских офицеров и добровольцев с чехами. Каждая из названных сторон по отдельности не смогла бы добиться такого успеха.

Несмотря на успех, бросалась в глаза малочисленность освободителей по сравнению с населением освобожденных ими мест. Борьба против красных войск велась почти исключительно теми силами, которые выступили против большевизма с самого начала или примкнули к ним в первый момент. Притока добровольцев в больших масштабах не наблюдалось. Население жило своей спокойной и размеренной жизнью, а его сочувствие белой борьбе в основном заключалось в том, что жители с радостью следили за успехами белых и приветствовали их как героев, но этим почти все и ограничивалось.

В первые два-три месяца почти вся тяжесть борьбы с многочисленными красными силами ложилась на чехов. Командование последних, смотря вперед, беспокоилось за будущее и все настойчивее нажимало на Сибирское правительство, заставляя его увеличивать армию. Наконец, после колебаний указом Сибирского правительства от 31 июля 1918 г. на действительную службу были призваны все родившиеся в 1898 и 1899 гг., но осуществление указа затянулось, в основном из-за экономических причин. Но даже его быстрое проведение в жизнь не дало бы фронту нужных пополнений. Призванных надо было учить, на что ушло бы немало времени, месяца три-четыре, не менее. Старых солдат, участников Первой мировой войны, призывать боялись. Офицерство и общество были еще под свежим впечатлением развала армии в 1917 г.

Тем не менее потенциальный источник пополнений был – это антибольшевистски настроенное зауральское крестьянство. Но здесь, в Зауралье, военное и гражданское руководство не смогло, за немногим исключением (как например штабс-капитан Н.Н.Казагранди!), привлечь крестьян к борьбе и тем самым лишилось огромных преимуществ. Ведь были же на Востоке России примеры в районах Башкирии, Елабуги, Мензелинска, Воткинска и Ижевска, где из крестьян удалось создать сильные и крепкие полки Народной белой армии. При удачном разрешении этого вопроса белые добились бы более существенных успехов осенью и зимой 1918 г., а их большое весеннее наступление 1919 г. не захлебнулось бы от недостатка подкреплений.

Но все же героический период борьбы с красными летом и осенью 1918 г. в Зауралье оказал огромное влияние на местное население. Отважные действия белых отрядов дали крестьянству Зауралья и Западной Сибири смелость даже через год после занятия этой местности большевиками попытаться повторить то, что было в 1918 г. В 1921 г. крестьянство вело героическую борьбу, но обстоятельства были уже другими, силы – неравными, и Западносибирское восстание было жестоко подавлено.

Примечания

[1] *Дерябин А.* Русский офицер и военный историк Б.Б. Филимонов // *Филимонов Б.Б.* Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 3-20.

[2] Сибирский листок. 1918. 20 июня.

[3] Там же. 22 июня.

[4] ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 359, л. 95-96.

[5] Там же, д. 211, л. 2-26.

[6] Там же, д. 363, л. 19.

[7] Там же, л. 128.

[8] *Филимонов Б.Б.* На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 г. Шанхай, 1934. С. 139.

[9] Там же. С. 141.

[10] РГВА, ф. 409, оп. 1, д. 45 792.

[11] *Филимонов Б.Б.* На путях к Уралу. С. 68.

[12] *Волков С.В.* Энциклопедия Гражданской войны: Белое движение. М., 2002. С. 55.

[13] *Филимонов Б.Б.* На путях к Уралу. С. 142.

[14] Сибирский листок. 1918. 27 июля.

[15] Там же. 1 августа.

[16] *Филимонов Б.Б.* На путях к Уралу. С. 143.

[17] Зауральский край. 1918. 10 сентября.

[18] *Филимонов Б.Б.* На путях к Уралу. С. 144.

[19] Там же. С. 144.

[20] Сибирский листок. 1918. 8 августа; Зауральский край. 1918. 23 августа и 5 сентября.

[21] *Филимонов Б.Б.* На путях к Уралу. С. 145.

[22] Там же. С. 146.

[23] *Филимонов Б.Б.* Борьба в Зауралье. Действия Западно-Сибирского отряда. Осень 1918 г. // Вестник общества ветеранов Великой войны. 1940. Июль-август. С. 25.

[24] Там же. С. 26.

[25] *Бажов П.П.* Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958. С. 187.

[26] *Рощевский П.И*. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 87.

[27] *Филимонов Б.Б.* Борьба в Зауралье... // Вестник общества ветеранов Великой войны. 1940. Июль-август. С. 27-29.

[28] Там же. С. 30.

[29] РГВА, ф. 1334, оп. 2, д. 352, л. 282.

[30] *Бажов П.П.* Указ. соч. С. 197.

[31] Там же. С. 204.

[32] РГВА, ф. 1334, оп. 2, д. 352, л. 260.

[33] *Пичугов С.Г.* Неизведанными путями: Воспоминания о Гражданской войне на Урале. М., 1958. С. 73.

[34] Там же. С. 76.

[35] *Бажов П.П.* Указ. соч. С. 210-212.

[36] *Филимонов Б.Б.* Борьба в Зауралье... // Вестник общества ветеранов Великой войны. 1941. Май-июнь. С. 45-50.

[37] ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 366, л. 53.

[38] Там же, д. 206, л. 102-103.

[39] Там же, д. 197, л. 98об.

[40] Kronika 2. československeho pěšiho pluku Jiřiho z Podebrad 1916-1920. Praha, 1926. S. 87.

[41] РГВА, ф. 1334, оп. 2, д. 352, л. 211.

[42] *Сажаев Л.Р.* Первый рубеж: Боевые действия на территории Сухоложского района в 1918 г. и участие в них местных жителей. Сухой Лог, 2006. С. 12.

[43] Kronika 2. československeho pěšiho pluku... S. 88.

[44] ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 206, л. 79.

[45] *Kubiček A.* Hanaci v revoluci. Kronika 6. československeho střeleckeho pluku Hanackeho. Olomouc, 1928. S. 189-190.

[46] *Голиков Ф.И.* Красные орлы: Из дневников 1918-20 гг. М., 1959. С. 46-48.

[47] *Филимонов Б.Б.* Борьба в Зауралье... // Вестник общества ветеранов Великой войны. 1940. Май-июнь. С. 35-36.

[48] Там же. С. 37-38.

[49] Там же. С. 38.

[50] ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 124, л. 92.

[51] *Филимонов Б.Б.* Борьба в Зауралье... // Вестник общества ветеранов Великой войны. 1940. Май-июнь. С. 40.

[52] *Голиков Ф.И.* Указ. соч. С. 54.

[53] *Филимонов Б.Б.* Борьба в Зауралье... // Вестник общества ветеранов Великой войны. 1940. Сентябрь-октябрь. С. 27.

[54] РГВА, ф. 1334, оп. 2, д. 352, л. 316.

[55] ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 365, л. 60.

[56] РГВА, ф. 39 813, оп. 1, д. 2, л. 1-7.

[57] Za svobodu. Obrazkova kronika československeho revolučniho hnutu na Rusi 1914-1920. 4 kniha. Praha, 1929. S. 186-189.

[58] ЦДООСО, ф. 221, оп. 2, д. 572, л. 31-32.

[59] Za svobodu... S. 190.

[60] ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 572, л. 35.

[61] РГВА, ф. 39 517, оп. 1, д. 8, л. 7-8.

[62] РГВА, ф. 1334, оп. 2, д. 352, л. 265.

[63] Голос Сибиряка. 1918. 17 октября.

[64] РГВА, ф. 1334, оп. 2, д. 352, л. 347.

[65] *Nemec M.* Navraty ke svobode. Praha, 1994. S. 115.

[66] *Nemec M.* Op. cit. S. 115.

[67] Za svobodu... S. 231.

[68] ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 197, л. 100.

[69] Za svobodu... S. 252-253.

[70] Голос Сибиряка. 1918. 1 декабря.

[71] Там же.

[72] ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 197, л. 137.

[73] *Филимонов Б.Б.* Борьба в Зауралье... // Вестник общества ветеранов Великой войны. 1941. Июль-декабрь. С. 12.

[74] Там же. С. 11.

[75] РГВА, ф. 39 517, оп. 1, д. 35, л. 76.

[76] *Филимонов Б.Б.* Борьба в Зауралье... // Вестник общества ветеранов Великой войны. 1941. Июль-декабрь. С. 8.

[77] Там же. С. 7-10.

[78] РГВА, ф. 39 877, оп. 1, д. 24, л. 101-101об.

[79] Там же, л. 119-119об.

[80] Там же, л. 95-97.

[81] ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 366, л. 87.

[82] Зауральский Край. 1918. 6 октября; Комсомольская правда – Урал. 2005. 8 декабря; Православная газета. 2005. џ 45; В Нижней Салде, на месте, где были расстреляны большевиками невинные люди, ныне стоит поклонный крест // Православная газета, Екатеринбург. Http://orthodox.etel.ru/2005/43/16krest.htm

[83] ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 197, л. 138.

[84] РГВА, ф. 39 722, оп. 1, д. 21, л. 1.

[85] ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 198, л. 33.

[86] РГВА, ф. 39 877, оп. 1, д. 24, л. 137-137об.

[87] ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 126, л. 40.

[88] РГВА, ф. 39 877, оп. 1, д. 24, л. 105-105об.

[89] *Филимонов Б.Б.* Борьба в Зауралье... // Вестник общества ветеранов Великой войны. 1941. Июль-декабрь. С. 21.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Кручинин Александр Михайлович

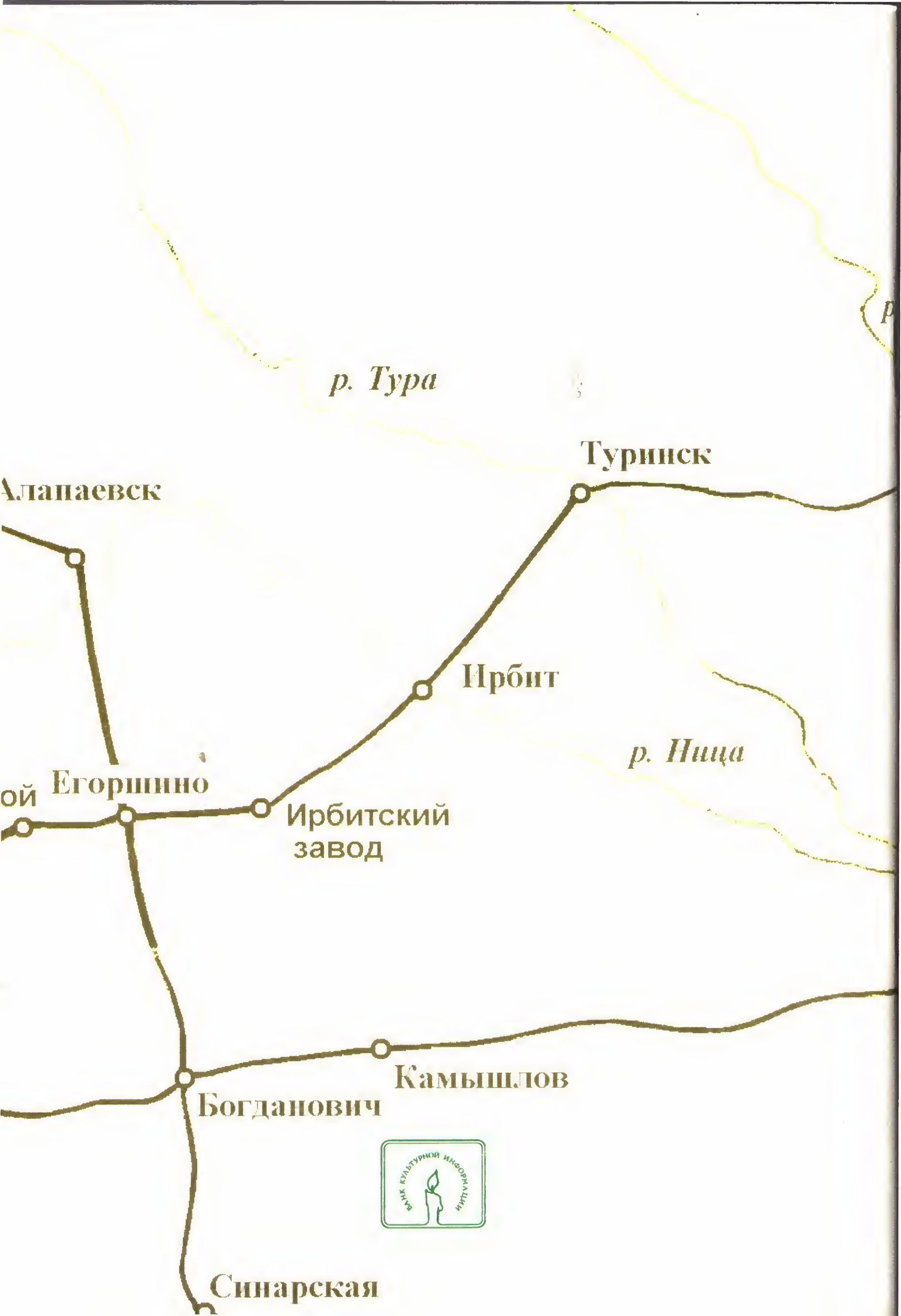
ПОД БЕЛО-ЗЕЛЕНЫМ ЗНАМЕНЕМ

Очерки истории военных действий в Зауралье летом и осенью 1918 г.

Редактор
Т.Богина
Компьютерная верстка
С.Недвиги

Подписано в печать 8.04.2008. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Бумага *Гознак*.
Печ. л. 4,88. Уч.-изд. 3,96. Тираж 300 экз.

Банк культурной информации.
620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс +7(343) 251-65-26.
e-mail: bki@sky.ru

р. Тура
Туринск
Алапаевск
Ирбит
р. Ница
ой
Егоршино
Ирбитский
завод
Камышлов
Богданович
БАНК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
Синарская